

A classical painting of a woman, likely a queen or noblewoman, wearing a dark, voluminous dress with a white lace collar and a large, ornate necklace. She has a brooch on her chest and a large red ribbon tied around her waist. The background is dark and indistinct.

Ни толку,
ни проку,
не в лад,
невпопад...

Тамара Шатохина

Тамара Шатохина
Ни толку, ни проку,
не в лад, невпопад...

<https://litres.ru/74383864>

Аннотация

С таким характером - саблю в зубы и на пиратский корабль, а не вживаться в роль нелюбимой жены. Воевать со средневековой антисанитарией, мужем, оказавшемся личностью незаурядной и авторитарной, и его любовницей - слишком мелко и не стоит того... Во всем должен быть смысл и в попадании тоже, но он откроется только по возвращении домой.

В моем блоге - иллюстрации к книге.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	49
Глава 5	61
Глава 6	75
Глава 7	93
Глава 8	104
Глава 9	115
Глава 10	129
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Глава 1

Я шла по этому лесу – медленно, нога за ногу... сил почти не осталось. Шла, раздвигая телом влажный сумрак – сучковатые деревья смыкались, отсекая лунный свет и образуя глухой свод распростертыми над головой тяжелыми мохнатыми лапами. Под ногами путались нехоженые травы, а меж ними виднелись старые, даже древние камни, поросшие плотными мхами. Я часто спотыкалась о те, что сильно вросли в землю и падала, но с трудом поднявшись, брела дальше... будто вело что и даже гнало вперед. Вокруг было темно, мрачно и глухо, и только на небольшой поляне отрешенный взгляд скользнул по загадочному рисунку лунного ковра...

Вскинувшись с бегущим куда-то сердцем, с трудом сфокусировала взгляд на ровном и светлом, с облегчением узнавая родной потолок – пятнышко на натяжной поверхности, мягкий матовый оттенок белого и... муха, чтоб её! Нет, пускай живет, раз разбудила. Чувство такое... в этот раз сама бы не вырвалась.

Вытерла пот со лба, рука дрожала от слабости. Будто не спала я в собственной постели, а на самом деле волоклась куда-то по жуткому лесу. Хотя правды ради – скорее загадочному и таинственному, как и положено в лунную летнюю ночь. Жутким было мое истерзанное состояние и не только физическое.

Но сон же... дери его! Просто сон, а после него болит все тело. И больше всего палец на ноге. С нехорошим предчувствием потянулась смотреть, мечтая, чтобы ощущение оказалось самовнушением, пустышкой. Человек может внушить себе все, что угодно! А я, получается, очень хочу, нет – жажду разнообразия в жизни и вынужденно получаю его (может и слишком кардинально) во снах – единственное пока объяснение той чертовщине, что тут делается.

Медленно убрав одеяло, трудно сглотнула – ушибленный палец припух, из-под ногтя просочилась и уже запеклась вдоль ногтевой лунки кровь.

Я помнила, как это случилось – дернулась в сторону от резкого крика ночной птицы, споткнулась. И на миг всего замерла, переживая боль. Неважно потому что – чуть больше ее, чуть меньше...

Тут как раз ничего нового или странного – Ольга нашла себе приключение, будучи на природе, которую очень любит, но мало знает. Каждый раз, как слон в посудной лавке...

С облегчением глядя на родные стены и мебель, я честно старалась думать о работе и детях.

Но перед глазами упорно вставала стена деревьев впереди, за лунной поляной, которую еще предстояло пройти. И тоска опять... поганая такая тоска. Будто ржавым штырем провернулось где-то в груди и я осторожно присела на постели, стараясь выдохнуть отголосок душевной боли такой силы, что кажется умереть легче в разы, чем жить с этим дальше.

Посидела, подышала и будто ушло... отпустило.

Странно все... не мое ни разу. Я вообще переживаю иначе - замыкаюсь в себе, замораживаюсь, поднимаю броню и делаю, что должна. Меня не рвало от горя на части, а будто плитой каменной давило. Я ее удержала, да так, похоже, и тяну на себе... Но страдать так остро, почти до остановки дыхания или сердца! Это должна быть ну очень тонкая нервная организация и явный недобор духовной закалки и жизненного опыта.

И, Боже ж мой! Куда ее несло-то? Или меня, что принципиально вопрос не меняет. Надо же так довести себя - до состояния почти полной убитости! Или помогли? А может там горе запредельного порядка, кто знает? Но запущено все дальше некуда.

Сны эти мучили меня уже больше недели и с каждым разом становились все более живыми. Первый раз я будто и была ею, но все же как бы со стороны наблюдала за женщиной в истрепанном старинном платье, не в состоянии, правда, разглядеть лицо. Зато тяжесть отсыревшего подола и общее состояние чувствовала вполне реально, дальше – больше, а теперь дошло и до крови.

Нет, у меня с первого дня было объяснение. Если в поисковике правильно сформулировать даже самый идиотский вопрос, ответ на него вытащат и из древних философских трактатов, и из трудов известных и не очень мистиков современности - только успевай фильтровать информацию. Гра-

мотно фильтровать, потому что даже признанные специалисты в вопросе плавали.

Совет психолога оттуда же - насытить собственную психику и сознание новыми, более сильными и яркими, чем во снах, впечатлениями я приняла как руководство к действию. Всё так – переутомилась и силы свои переоценила... нужно отвлечься и получить приятные впечатления и эмоции... усталость имеет привычку накапливаться и запросто может стать причиной плохого сна, кошмаров и даже галлюцинаций...

Но не ушибленного ногтя!

Вот только без паники...

Встать, выглянуть в окно, чтобы убедиться окончательно... на контрасте с тем лесом получается сильно. Потом прохладный душ, палец обработать, выпить кофе покрепче. И на работу... за меня ее никто не сделает.

Но вначале звонок.

- Мам! Привет, как жизнь молодая?

Выслушать все о давлении, которое упало-подскочило (в вариациях), жалобы на спину, запоры и аппетит... Всё в пределах, жалобы штатные, отличаются от вчерашних только характеризующими их наречиями и прилагательными.

- Заеду послезавтра. А через неделю мы с тобой вдвоем едем в «Сторожку». Позитивно настраивайся, там сразу получишь комплексное улучшение.

Помолчав, мама осторожно поинтересовалась:

- Оленька... а ты уверена - точно из поликлиники ничего не требуется?

- Точно. Там аппаратное обследование, анализы по показаниям. Вначале беседа с врачом, само собой. Все, пока, мам! Бегу.

И побежала, насколько позволил ноющий даже в разношенных кроссовках палец. Оверсайз сегодня – вынуждено. Офисный костюм и невысокий каблук привычнее, но травма... И опять все мысли вокруг сна, а зря - жить весь день в страхе перед еще одной ночью не хватит никаких нервов. До этого вполне получалось засрать мозг рабочими проблемами и к вечеру все казалось уже не таким страшным.

Вот и сегодня бы так... а еще почитать о стигматах. Палец мог быть из той же оперы. Я не католичка и вообще к вере, сколько себя помню, относилась прохладно. Но сама схема... как они появляются, исчезают, есть ли закономерность в выборе личности, с чем их появление вообще связывают? Разумное объяснение в любом случае должно быть, всеми процессами в мире и даже странно-мистическими правит физика – я уверена. Соответственно верю и в случаи, приключившиеся при обстоятельствах, которые наука еще просто не успела объяснить.

На выходе из дома взглянула на часы... запаздывает, паразитка. И довольно улыбнулась, услышав знакомый рингтон.

- Алле?

- Мам, привет, как дела?

- Ругаюсь, понятное дело. Или отменяем строгий график или звони вовремя. Как наш животик, как Славик?

- Нет уж, пускай лучше график, иначе не заставлю себя проснуться, - зевнула Ева, - постараюсь не косячить. Ладно... новостей нет, так что до основного созвона. Давай... увидимся.

- Ага - до субботы. Всем привет, осторожнее там. Пока.

На улице дышится легче. Конец лета, прохладно и свежо. Все вокруг знакомо и привычно – спешат прохожие, стоят высотки, река течет, здание торгового центра возвышается, а в нем родной универсам. Торговый зал в нем пропах ароматами сдобной выпечки, что должно стимулировать продажи. Ночное настроение еще тускнеет. Все так, я на правильном пути.

И даже есть мысль, как решить вопрос на эту ночь. Даже две мысли, точнее – два пути. Первый медикаментозный, второй тоже не на пользу организму, но точно отвлекусь.

Раз в неделю мы с подругой встречаемся и пьем вино. Душевно при этом общаемся и делимся умными мыслями. Могли бы и чаще – интересных тем и мыслей к ним хватило бы, но у нее новый муж, а он требует внимания. Дети не так сильно, но тоже...

- Лар, у меня тут кое-что новенькое. Только сейчас не спрашивай, это нужно вдумчиво. В общем... имею намерение.

- Серьезно? – хмыкнула подруга.

- И, наверное, по максимуму, но сначала разговор. А еще нужно поднять первоисточники, есть тоже мысли, - сев в машину, провернула я ключ зажигания.

- А до выходных не... а-а-а... что-то я туплю – не проснулась еще, - зевнула сонная Ларка.

- Давишь еще? Ну извини. Э-э... нежелательно до выходных, тут уже, знаешь, настоящие странности. Но если мужчина будет против, то отложим. Мало ли – у вас планы? Всегда понимаю.

- Да с чего? Не озвучивал вроде... Ну ладно, вводные приняла, жду конкретику.

- Пока на обдуме... позвоню позже.

- Давай... Э, кстати! Я сама тебе хотела... Не только слухи, но и авторитетные источники считают, что если сон яркий, цветной и повторяется не меньше трех раз, то он как бы и вещий. Поищу сегодня сонник.

- Тю. Ладно... обмозгуем и это.

- Кто накатывает?

- Я естественно!

- Ага, тогда пока... потом вдумчиво, - снова зевнула Лара и дала отбой.

Обсудим. А потом напьемся. Я до состояния нестояния, она – по желанию, но кто-то должен страховать и контролировать процесс. Последствия могут быть разными, вплоть до временного стирания личности или выборочной потери памяти. Уверена – я выберу как нужно и точно не увижу снов в

таком состоянии измененного сознания, потому что это буду уже не я, а вхлам пьяная тетка безо всякого сознания вообще. Я пойду на это, потому что нужно признать честно – сегодня утром какое-то время мне было действительно страшно... А вот напиваться лучше у себя дома.

Второй вариант – наглотаться снотворно-успокоительно-го. Но там есть опасность не угадать с дозировкой. Недостаточная сделает меня сонную совсем тряпкой - *там*, а излишняя может отправить в мир иной. Который, похоже, и так уже по мою душу...

Машину я всегда оставляла не на общей парковке, а на заднем дворе универсама, у входа в складские помещения. Все это знали и, как правило, здесь меня уже ждали.

- Ольга Валерьевна, крупы! Посмотрите прямо сейчас? Пшено.

- А что с ним? – пиликнула я сигнализацией.

- Серое, в низкопробном целлофане.

- Пшено серое или упаковка? А кто поставил? Если соц. товар, то допустимо.

- Вот... - сунула мне кладовщик накладную.

Уже в кабинете я порылась, нашла в телефонном журнале номер поставщика и, злобно усмехнувшись, настроилась на конфликт тихий и по возможности не кровавый. Этот человек бесил меня с первого взгляда и слова, но справедливости ради нужно отметить, что, похоже и я его теперь - не меньше.

- Здравствуйте, Андрей Владимирович. Социальный то-

вар мы покупаем в другом месте. Несоответствие цена-качество налицо. Что скажете? Мне официально предъявлять претензию и тогда пшено ваше мы возьмем, но по другой цене? Или отослать машину? Если документально оформляем пересортицу, то я жду представителя поставщика.

- Вы опять с места в карьер, Ольга Валерьевна, - нервно констатировал мужчина, - разберусь и отвечу по результатам. перезвоню.

И просто перед глазами встало – укладка волосок к волоску, ядреное облако парфюма и даже маникюр - да... И брендовые шмотки, и обувь запредельной цены... А еще элегантные понты в виде алой розы – «а это вам, Ольга Валерьевна». И зырк-зырк – как же, целая роза. И стоит сопит - надеясь на преференции при заключении договора? А их нет! Это уже к директору и не с розами. Облом... sorry.

Ярко вспомнилось. И вместо того, чтобы вежливо попроситься, я продолжила настырно уточнять мерзким голосом:

- А что нам делать с вашей машиной, если выяснение затянется? Простой, как вариант, вы принимаете? А то мы же товар не приняли. Сопроводительные явно не соответствуют.

- Я. перезвоню. По. Результатам, - буквально режет ухо на части мужской голос.

Фу, какие мы нервные! Довольно выдохнув, я оставила последнее слово за собой:

- Жду. С нетерпением.

Даже настоящие мужики редко умеют разговаривать на равных, в основном просто неспособны ни мирно договариваться, ни держать лицо. Мне, во всяком случае, редко попадались такие, чтобы не копуша, уверенный в себе, но справедливо признающий правоту оппонента (если уж так случилось). Что еще? Целеустремленный, умный, не зализанный, как некоторые, рассудительный, ответственный и внимательный – и всё в одном флаконе.

Как только встретила такого, сразу прибрала к рукам, но у тех, кто там – наверху, на него были свои планы. Такой, как Ваня, нужен везде и то, что лучшие уходят первыми – факт, похоже. Я бы хотела быть лучшей... первому всегда проще, а вот оставшийся выживает, как может. Но ушел он, и мне не хватает его... Не хватает все эти годы - днем и ночью не хватает. А с ним и всего того, что нераздельно с присутствием своего мужчины рядом – заботы, внимания, надежного плеча и уверенности в своей женской нужности.

Когда тебя швыряет из привычного, спокойного счастья прямо в немыслимое горе, это тяжело. И сразу тяжело, и долго потом. Это "тяжело" испытывает тебя, давит на тебя, оно накапливается годами, нащупывая твой предел... Может поэтому последнее время я ловила себя на мысли, что пусть и неосознанно, но присматриваюсь... может даже ищу для себя такого, как он. И не нахожу.

Нет больше таких. Не осталось, не делают. Вот заматерел Вадя и может потом - с опытом и временем... Кому-то по-

везет с ним. Он похож на отца и внешне, и характером И у него даже будет преимущество – блестящее образование, которым Иван похвастаться не мог. А имел бы возможность занять руководящую должность, тогда раком поставил бы весь их автопарк и не случилось бы то, что случилось. Он и без образования навел бы там порядок, но водителю положено водить. Мы были молоды, я рано забеременела двойней, и он кормил семью, а потом учил жену, пожертвовав своими амбициями и даже не обозначив их для меня. Это потом, позже я поняла, что он способен на гораздо, гораздо большее... только на это большее ему не хватило самого ценного ресурса - времени.

Ладно, это лирическое отступление. А правда жизни в том, что настоящие мужики почти перевелись. Вот и сейчас – вопрос же элементарный! Зачем так нервничать?

- Ольга Валерьевна, акт на завтрашние скидки.

- А я заказывала? – подняла я тяжелую голову с рук, сложенных на столе.

- Но вы наметили. Целый лист тут, список...

- Вы опять за старое, Людмила? Она же выпрет меня с этим актом!

- Но что не так? - шептала бестолочь сквозь слезы – чего вам всегда не хватает?

- Мне?! Мне не хватает обоснуя – устного благословения начальства. И только потом – в печатном виде. Почему так – не нам с вами судить. И когда вы уясните, что инициати-

ва наказуема не только на флоте? Внимательность и исполнительность – это все, что от вас требуется. Что ж вы опять лезете на грабли? Или вам больше заняться нечем?

Секретарь выскочила за дверь. А я швырнула ручку на стол, встала и подошла к окну.

Достала засранка! Девчонка постоянно лезла в глаза, угождала, выслуживалась... За каким? И хоть бы с толком, а то каждый раз «по Черномырдину». Зря нарычала... на мыслях, на нервах. Но сколько можно?!

Весь день я пахала, а не работала: принимала товар, проверяя качество и сертификаты, рассчитала скидки и акции на следующий период. Прошлась по выкладке, потом работала с актами и накладными, закрыла вопрос с «Золотым колосом». Товарищи таки накосячили, что их руководитель сквозь зубы и признал. Машина ушла обратно. В конце рабочего дня вызвала к себе директор и мы с ней просидели почти до восьми, копая себе мозг. Получился очень насыщенный двенадцатичасовой рабочий день без перерыва на обед.

Дав отбой Ларе на сегодня и заползая в квартиру, я чувствовала себя... правильно. Разуваюсь, устало улыбнулась звонку – Вадим. Мы так же коротко, только по делу пообщались и быстро попрощались – я призналась, что нахожусь на последнем издыхании, не сознаваясь, что загоняла себя намеренно.

- Пора тебе отдохнуть, а то лету уже почти капец, - пробасил сынуля.

- Это и так в ближайших планах, Вадь. Схвачу бабулю подмышку и в санаторий. Будем с ней песни петь в соляной комнате, отмокать в минералке и обжираться.

- Дело, кстати - тебе не помешает. Ну, бывай, мам, до завтра.

- Да... до завтра.

Соскучилась... и даже больше, чем по Евке. Голос у Вадьки отцовский и манера говорить тоже – веско, не спеша, обдуманно. На занывшее сердце я свирепо цыкнула – скоро у нас семейное собрание в интернете, посмотрюсь на обоих.

Нет, мы далеко не идеальная семья. Просто когда-то ужасно испугались потерять друг друга. Это потрясение после Вани – страшное, неожиданное. Потому и ухватились, и держимся руками и ногами. Это даже не страх, что-то другое. Намного спокойнее, если каждый день получаешь подтверждение тому, что самые дорогие твои в порядке. Просто услышать голос - этого достаточно. Разговоры с подробными новостями и разными мыслями случаются реже, где-то раз в неделю-две.

Иногда кого-то из нас эти мысли заводят не туда, а новости не радуют и тогда мы спорим, а то и ругаемся - громко или шипя сквозь зубы. Всяко бывает, но мы не ссоримся даже если ругаемся, потому что причина споров всегда одна – желание лучшего для своих близких, как понимаешь его ты. А понимаем мы иногда по-разному. И тут уже зависит от способности грамотно аргументировать. Я способна. Убеж-

дать умею лучше, чем они, поэтому и мнение свое продавливаю чаще.

Вадим учится в Москве в престижном ВУЗе.

Ева тоже умничка, потому что во всех отношениях хорошо вышла замуж. Ей восемнадцать и она беременна. Зять старше своей жены на девять лет. Я рада за них - дочка выбирала мужа «по отцу» да и их с Вадей я тоже родила в неполных девятнадцать...

Сегодня я добила, чего и хотела - загнала себя так, что штормило еще на подходе к квартире. Рабочая неделя вымотала не хуже ночей. Я так устала... но этот день вытеснил из головы ночной кошмар. Сам сюжет, конечно, не забылся, а вот переживания сильно потускнели. Утром по свежаку было намного хуже.

И не надо мне никакого разнообразия, покоя дайте... поплелась я на кухню. Если сама подсознательно накликала всю эту ересь – отменяю. Выспаться хочу. Завтра нужно начинать подготовку к отпуску, а это куча работы.

Посидела, приходя в себя – я дома... тупо ныли виски и затылок, ноги чувствовались тяжелыми и отечными, да такими и выглядели. И руки вялые, даже ногти посинели... я сильно потеряла их, стараясь вернуть чувствительность кончикам пальцев. Устало осмотрела кухню, пытаюсь собрать мозги в кучку. Чисто, прибрано... сорить некому. Ужинать неохота, звонить и договариваться о пьянке на выходные тоже.

А пойти и лечь в кровать снова страшно. Приехали...

Не хочу больше того бессильного отчаяния. Отказываюсь!

Когда одно желание - рыдать, орать, биться о стены, да тупо - сдохнуть.

Ваня... Я часто его вспоминаю и не всегда это тупая боль и глухая тоска. Чаше утешение и теплый такой комочек в груди – мы с ним *были* долго были. И сейчас я тоже буд-то проснулась - опомнилась. И правда - какого вообще меня трогают эти сны? Не мое там горе, чужое оно, ненужное. Глупости все это, детский лепет по сравнению с тем, что пережила я. Да гадство! – поднялась, наконец, чтобы пойти в душ. В голове прояснилось.

Сейчас я четко видела третий вариант выхода из дурацкой ситуации – разозлиться еще сильнее, чем есть. Чистая и здоровая злость всегда дает сил - проверено. На короткое время, правда, но мне хватит.

Повторится сегодня... разнесу к чертям собачьим и лес их, и бабу-дуру эту! Я справилась сама - в черном горе и с двумя близнецами-подростками. Вот и ты тяни сама! Я там каким боком?

Глава 2

Нет, в здоровую мистику я верила сколько себя помню. Как можно не верить в то, что реально существует? Вопрос второй, что реальная, разумная, просто еще не объясненная наукой мистика официально тоже приравнивается к мракобесию. А человека, который в нее верит, люди, мыслящие практичными категориями, автоматом относят к числу неадекватов.

Так, посмеиваясь, называл себя и отец Ларисы, обозначая таким образом (на всякий случай, наверное) очередной свой рассказ, как «небывальщину». Но мы-то знали, что сейчас услышим исключительно правдивую историю, имеющую мистический подтекст. За сорок с лишним лет археологических изысканий и раскопок Михаил Аронович Шмелевич видел всякое. Особенно учитывая то, что раскопы зачастую делаются на местах старых захоронений.

Я была самой близкой подругой единственной его дочери и своим человеком в их семье, так что многие из его рассказов слышала собственными ушами. Не верить Лариному отцу причин у меня не было. Я с детства слушала эти истории, привыкая мыслить чуть шире, чем принято.

- Я ведь «экспидишник» с двенадцати лет... И мои байки (назовем их так) не всегда можно вписать в рамки обыденного. Есть, конечно, отдельные случаи, которые с большой

натяжкой, но можно объяснить, притянув объяснение буквально за уши и на этом – всё, забыть.

- Не нужно! Неправда, пап! - пискнула Лариса.

- Правда-правда, Ларчик. Жизнь и так почти каждый день делает нам сюрпризы и если есть возможность хоть как-то на этот счет успокоиться, то почему и нет?

- А пример, Михаил Аронович? В чем вы успокоились? – докапывалась я.

- Легко, Оленька! Примеров разных несуразностей лично у меня вагон и маленькая тележка. Но я говорил не о себе, - запыхтел он трубкой. И ароматный дым с яркой ноткой сушеной вишни красиво окутал аккуратную седую бородку и подвижные кустистые брови, странным образом только и сохранившие свой изначально темный цвет.

- С вещами, которые не вписываются в привычную картину мира, встречались если и не абсолютно все люди, то большинство. И знаете, что они делают? Полностью или частично стирают из своей памяти то, что в их виденье и понимание мира не вписывается. Потому что с этим трудно жить. Пытливый по природе своей ум мучительно требует объяснений и не находя их, теряется в привычной действительности. И вот люди помогают себе, нечаянно подменяя понятия и воспоминания - так удобнее! А иногда это вопрос выживания. Если я чем-то отличаюсь от этих людей, то только одним: я дал себе труд фиксировать эти явления и вообще никак их не объяснять. Потому что каждый еврей скажет вам – глубже

копать, значит найти больше грязи. Неприятностей то есть, в нашем случае, - поднял он палец, увидев, что мы рвемся задавать вопросы. И продолжил:

- В широком доступе сейчас куча прелюбопытных историй, но нужно признать, что, когда человек что-то выдумывает, он выдумывает в рамках человеческой логики. Но есть случаи, которые в эту логику не вписываются - начинаются ничем и заканчиваются ничем. Смысл эпизода непонятен, толку даже по здравому размышлению - ноль... ни толку, ни проку, как говорится... Вот это и есть то самое пока еще непознанное. Но вернемся к моим личным примерам... - пыхтел он трубкой.

А я смотрела во все глаза, слушала во все уши и потихоньку, нечаянно влюблялась первой своей шестнадцатилетней любовью в пожилого, по тем моим меркам, сорокашестилетнего человека. Об этом моем грехе никто никогда не узнал. Но, наверное, так я взрослела и умнела, набирая жизненный опыт. Так я открыла для себя, что внешность - не так и важно, возраст тоже. Доходы и статус, это просто дополнительная демонстрация личностной зрелости, а значит и успешности. И важен даже не сам человек, а то, из чего состоит его душа, потому что главное – она. И только если тебе откроется ее суть, и ты трепетно зазвучишь ей в унисон... когда мужчина станет интересен тебе почти маниакально, до желания слиться с ним в первую очередь душами, забрать его себе целиком и полностью, заслужить его уважение и быть

достойной его...

Короче, благодаря этой детской влюбленности я в свое время не упустила Ивана. А тот рассказ помнила до сих пор:

- Однажды в одном учебном учреждении я собирал материал для диссертации, смотрел там статуэтки... и вдруг среди них я вижу маленькую статуэточку, изображающую человека с огромными миндалевидными глазами и с ушами вот здесь вот, - длинным движением обозначил он место и форму всем знакомых эльфийских ушек.

- Когда я опять смотрю эти статуэтки – ее там нет. Она вот только была и тут же исчезла. Через несколько дней в столовой этого же учреждения ко мне за стол подсаживается человек. Я уже не помню, о чем мы с ним говорили. Разговор был несущественным, буквально ни о чем. И вот в процессе он отбрасывает рукой назад длинные волосы, и я вижу у него ухо, находящееся вот здесь... Он внимательно на меня смотрит... реакции с моей стороны не было - лицо держать я умею. И человек уходит, - мотнул он головой, - это было в девяносто втором году. Много позже, уже в нулевые, одна девушка заблудилась возле Красноярского академгородка. И вдруг выходит какой-то человек и говорит:

- А давайте я вас выведу.

- Да, конечно, спасибо...

Идут, о чем-то разговаривают, уже выходят на трассу, и он ее ориентирует:

- Вон там академгородок, там университет, там вон дачи...

И вдруг она поворачивается и видит, что его уши находятся не там, где у человека, - резче и сильнее пыхтит трубка Шмелевича, а мы уже почти не дышим.

- А потом при раскопках... Черноозёрья, если я не ошибаюсь, на юге Красноярского края, находят в раскопе костяные статуэтки, которым примерно четыре тысячи лет. И там изображение тоже... существа, у которого не там находятся уши. Вот вам тот самый случай, когда я ничем не могу подтвердить, что видел, общался и так далее. Да? Но я участник на самом деле и у меня нет причин думать, к примеру, что я сошел с ума.

- Почему же ты тогда, папа...?! – вскинулась Лара.

- Почему после этого я не занимаюсь вопросами космических пришельцев? Потому что со мной тогда все станет ясно, - покрутил он пальцем у своего виска и театрально взмахнул рукой: - Шмелевич окончательно свихнулся. Но по этому поводу я вот что имею сказать: или мы считаем Вселенную вечной и бесконечной... и тогда не может быть, чтобы между нас не ходили космические Миклухо-Маклаи, которые живут среди нас, как жил он среди папуасов... Или же мы не считаем Вселенную вечной и бесконечной. Но я этого не говорил, а вы не слышали и заниматься я этим не буду, потому что сразу же стану сумасшедшим в глазах общества. То есть явное дело – больной же человек!

Я слушала его рассказы, как замороженная.

Наверное, Раиса Яковлевна, мама Ларисы, видела мою

влюбленность. С высокой долей вероятности могу предположить, что сам объект о ней даже не подозревал или просто не воспринимал, как что-то стоящее внимания. Явно ведь наработал стойкий иммунитет на это дело, работая со студентами. И вот это умолчание и будто бы невнимание старших Шмелевичей, которые на самом деле были, скорее всего, деликатностью и признанием моего права на чувства, делали этих людей, их личные принципы и семейные отношения идеалом для меня и примером для подражания на будущее. Год за годом всё в этой семье происходило на моих глазах...

Однажды за чаем в ответ на какую-то реплику жены Шмелевич тихо засмеялся:

- Лучше бы ты ревновала меня к молоденьким студентам, Раинька - ревновать к любимой работе дело очень неблагодарное.

- Мне лучше знать, Миша, что и как тут делать, - печально ответила она, - молоденькие студентки не отберут тебя у меня, для этого ты слишком умен, а вот твоя работа...

Так и случилось. С одной из экспедиций Ларисиноgo отца привезли неживым. Я тогда была уже замужем и любила своего Ваню, но переживала сильно. Пару раз носила красивые камушки на могилу профессора, как у них это принято – не цветы. А потом запретила себе туда ходить, потому что и в самом деле будто оставляла вместе с теми камушками частичку своей души рядом с ним. Я долго скучала по его

чуть сумбурным рассказам и быстрому говорку, по ароматному табачному дыму и теплой атмосфере внимания и заботы супругов друг о друге не напоказ, а потому что вот так... и только так для них и возможно было.

А его мистические рассказы в свое время, наверное, сделали моё мировоззрение, как у них говорят. Я стала смотреть на людей под иным ракурсом, с точки зрения интересности их для меня и полезности общения с ними. Быстрее выросла и умнела, наверное.

Он получал свой жизненный опыт на раскопах и в экспедициях, в общении с очень многими и разными людьми, а я перенимала его с удивительными рассказами, его мыслями по этому поводу, комментариями... Мир разнообразен! Настолько, что от этого даже страшно и хорошо, что не всё это многообразие мы видим, а если вдруг... то находим пускай даже и самое нелепое объяснение нечаянно увиденному и благополучно о нем забываем, потому что так проще жить.

Где-то через год после ухода Лариного отца мы с ней поехали в одно место. Это была поездка в память о нем и туда, где можно было буквально коснуться его рассказов, почувствовав их материалистичность.

Пушкинский заповедник, городище Воронич возле Тригорского... В древности там был городок, крепость, а теперь крохотное кладбище. Мы с Ларой взяли экскурсию по дому и парку поместья, прошли и к старинному городищу. Летний погожий день, раздолье вокруг... Широченный простор

с громадами облаков над головой и заливными лугами с извилистой лентой реки внизу. Виды такие, что без преувеличения дух спирает, а у меня в ушах будто живой звучит быстрый говорок:

- И связано у меня с этим местом целых три странноватых воспоминания. Первое – есть там такой крутой эскарпированный склон, то есть такой склон... сделанный очень крутым. Возле него даже днем неприятно ходить. Ну ладно... будем считать, что это я такой нервный, но там неприятно находиться очень многим людям. Вот такое место. И что там может быть? – пыхтел он своей трубкой, - там в землю зарыт большой деревянный ящик с камнями, чтобы держать склон крутым, а я думаю, что в нем еще и люди... Говорил об этом с экскурсоводом. Ну нет, так нет! Но тяжелое впечатление от места есть. Я ходил по всему городищу свободно, но туда старался не подходить даже днем.

И второе... - лукаво улыбался он, - есть в Тригорском любимая скамеечка Вындомского, которую в наше время вольно переименовали в скамью Онегина. Александр Максимович Вындомский основал это имение и похоронен был потом на городище Воронич, а его внук - собственно Вульф, как раз и есть тот человек, что увел Анну Керн у Пушкина. Любопытный был субъект – глубоко и серьезно интересовался спиритизмом и с помощью сеансов пытался ни много, ни мало – вызнать причину таланта Александра Сергеевича. Ну мы не о Вульфе... любил Вындомский сидеть на этой скаме-

ечке – с удивительным видом на лесистые холмы и реку Сорочь. И-и-и... мои студенты вдруг прибежали в панике – какая-то большая фигура метра четыре ростом и большое лицо смотрит сверху вниз... А я к тому времени уже знал, что, если в Инженерном замке стоит портьера под углом... - показал он, поставив руку параллельно земле, неспешно оглядел нас и продолжил:

- И начинаются странные звуковые эффекты, нужно сказать «здравствуйте, Ваше Величество». И любые эффекты исчезают... И когда я вместе с одной девушкой из экспедиции сидел на этом месте, она вдруг говорит – смотрите, смотрите! И да – огромная фигура... Причем на первый взгляд будто в темной ночной рубашке, а это плащ, представьте себе, такой старинный с завязкой у шеи - бантиком. Большое лицо... прижизненные портреты не сохранились, а рисовать я не умею, но лицо его хорошо помню даже сейчас. Но вот он склонился к нам и так смотрит, чуть улыбаясь. И я говорю – «здравствуйте, Александр Максимович». Девушка повторила то же самое. Фигура исчезла. Это было лично со мной и, получается, у меня есть свидетель живой... - задумался он.

- И остальные студенты... я научил их как нужно говорить и кому-то это пригодилось. И еще одно... когда ночью идешь по тропинкам Тригорского, то по дорожкам движутся такие жидкие световые столбы. Они ведут себя очень целенаправленно... идешь по дорожке и видишь, что один отсекает тебя справа, другой слева, третий спереди. Но если свернешь на

газончик, то они туда не сворачивают, двигаются исключительно по тропинкам. Сошел ты на травку и тебя перестают замечать... Их легко обогнать, уйти от них, потому что движутся они неспешно. И опять же – выйдешь за пределы парка и нет их, только в самом парке... Может это туман, может еще что и тогда не только я, но и студенты там собрались не совсем нормальные все, невротики...

- Ну зачем так психовать, Миша? Понятно же, что там не просто так, - качнула головой Раиса Яковлевна, - и жизнь намного сложнее, чем кучка невротиков в тумане. Да... а почему мне ты не показал этих призраков, не провел там ночью?

- Побоялся... ты ходила тогда Ларочкой. Я совсем не хотел, чтобы ты туда приезжала, помнишь? Слишком уж... необычное там место.

- Если бы я иногда не приезжала к тебе сама, то и нашей Ларочки до сих пор бы не было, - отрезала она.

Наверное, мы с Ларкой слишком хотели увидеть все это, слишком ждали подтверждения его словам, будто это дало бы коснуться его памяти или частички его души, которую он явно отдал тем местам. Не знаю, что бы мы сделали, увидев огромный призрак помещика или те туманные столбы? Набросились бы в дурном энтузиазме с разговорами или кинулись удирать с дикими криками?

Не всем везет, наверное, увидеть и узнать что-то подобное или не все готовы к такому, не способны воспринять в силу более простой душевной организации. И *кто-то* об этом

знает...

И вот лежу я в своей квартире и в своей постели и думаю – а с какого такого этот *кто-то* вдруг решил, что я готова участвовать в этих снах? И что мне может быть интересно происходящее в них. А интерес и сопереживание должны быть, иначе теряется всякий смысл моего присутствия там и не важно – виртуального или физического. «Ведь понятно же, что там не просто так»! Иначе не повторялось бы из ночи в ночь одно и то же, и с каждым сном я не становилась бы ближе к той эпопее.

Она прорывалась в мою личную реальность то ветерком, обдувающим мокрое от слез лицо... то пугающим криком птицы, заставившим дернуться в страхе... то тяжелый подол длинного платья запутался в ногах, добавляя ко всем чувствам еще и досаду. А потом вообще – травма. Это уже ни в какие ворота! И очень целенаправленно все, как бы даже по нарастающей. Будто и меня постепенно «отсекают», загоняют во все это, приучают к смирению и мысли какой-то там...

Шагнуть бы с этой кривой тропинки да на травку... но от моих призраков так просто не избавиться, похоже.

Кому и что от меня нужно? И почему мне вдруг вспомнилась отчаянная моя первая влюбленность? Или это было что-то другое и так формировался мой идеал мужчины на будущее? Я готовилась взрослеть и обязательно стать счастливой. С замечательным человеком ничуть не хуже Михаила Шмелевича. Кто знает?

Но сейчас, вспоминая Михаила Ароновича, я сделала вывод, что сегодня мне нужно быть готовой абсолютно ко всему именно потому, что мир многообразен. И случиться в нем может все, что угодно, потому что Вселенная таки вечна и бесконечна, а еще она иногда чудит. И если я стала так нужна где-то там и пока что (или уже совсем) не нужна здесь, то от меня мало что зависит, на самом деле.

И тогда нужно предупредить своих, а то мало ли? Чувство какое-то странное, стремное... предопределенности, наверное - оно есть. А может ничего и не нужно, никаких предупреждений, но вдруг все-таки? Им будет легче, если моя... мой уход будет связан с красивой загадкой и тайной, а не станет исключительно семейным несчастьем.

Годами я нечаянно впитывала еще и пофигистски-практичную еврейскую жизненную позицию. В том числе: не можешь чего-то предотвратить – возглавь, но не бездействуй, иначе уйдет выгода. А она может быть разной, откуда нам знать? Долгоиграющей, скрытой, тайной... мало ли? Но не просто же так – именно я?

И я написала записку, удивляясь самой себе и будучи на 99,9% уверена, что утром сама же сомну ее в руке и выброшу в мусорное ведро.

«Больше недели мне снятся красивые, но опасные сны. То ли другой мир, то ли другой, намного более ранний век. Там глубоко несчастная измученная женщина бредет по залитому лунным светом лесу. Куда, зачем? Непонятно. Но ей нуж-

на моя помощь, это уже ясно. Как это будет? Может и никак. Или что-то случится... и тогда я справлюсь достаточно быстро или чего доброго, могу остаться там навсегда, но тоже обязательно справлюсь – уверена. Тут как кривая выведет. Но я слишком сильно люблю вас всех и считаю, что совсем уходить мне еще рано, даже если к Ване. Думаю, что вернусь, потому что настроена я решительно и зло».

И еще немного подумав, дописала, иронично хмыкнув – «Спокойной ночи, дурында великовозрастная!»

Бред? Да бред, конечно! Но уснула я в этот раз на удивление спокойно, безо всяких трясучек и страхов, ставших уже почти привычными.

Глава 3

Погода стала меняться, как только я опять оказалась во сне. Поляна эта или лесная прогалина, которую только предстояло еще перейти, была довольно широкой и когда я вышла на нее, меж вершинами деревьев внезапно открылся глубокий провал. До этого листва прятала собой ночное небо. Чернильный полог надо мной больше не выглядел бархатом, расшитым голубыми и желтыми звездами. Послушные ветру, в ту сторону, куда шла и я, тянулись вначале светлые перистые, а за ними стеной сунули и более плотные облака. Луна буквально на моих глазах уходила, теряясь в них и на лес надвигалась почти непроницаемая темень.

Нужно было успокоиться. Все не так плохо – я четко соображала и все помнила – прошлая жизнь, а значит и жизненный опыт не погребены под ментальными развалинами. Осмотреться бы теперь, понять хоть что-нибудь...

Явно тут не северные края, а что-то ближе к средней полосе. И не юг – растительность не та. Здесь росли узловатые кряжистые дубы удивительного размера, были и сосны... это то, на что я смотрела прямо сейчас. До того было как-то не до местной флоры. И да – легкое усиление ветра чувствовалось уже и внизу, под деревьями, а в воздухе повис запах дождя. На лес шла непогода.

И буду я сейчас бедная.

Потому что шла она и на меня тоже, а я уже ощущала это тело своим и владела им полностью – руками, ногами и даже слезами, потому что они прекратились. Слезы сейчас были некстати. И дождь некстати. Но, похоже, кроме дикой разбитости и усталости, я скоро прочувствую и всю прелесть ситуации, когда ты мокрая во всем мокром, а вокруг все мокрое.

И вот знать бы еще - куда она перлась на ночь глядя? И куда вот прямо сейчас из этой головы делась? Потому что, по ощущениям, никакой шизофрении – тут только я. Или не совсем, потому что... эмоции. Вдруг будто волной тихого отчаянья окатило. И это не моё, точно не моё - я только сейчас начала слышать что-то такое - посторонние звуки, несвойственные природному фону.

И что там может... погоня?

Звуки будто и нестрашные, далекие, но уже отчетливо слышен грубый мужской окрик и быстро приближающийся собачий лай. Ни... себе! Живого человека - собаками?! Зашипев, я заползла в высокие папоротники и скрутилась там калачиком, прикрывая лицо и шею. Думать не получалось. Даже чужая паника заразительна, а когда она топит в твоей голове! Меня затрясло, по лицу снова бежали слезы, а еще понимание это гадкое – все зря! Вся эта усталость, боль в ногах, надежды на что-то, цель... все в прошлом.

Сквозь еепанику прорвались мои мысли о том, что палку бы... сук хоть какой. Я даже смогла заставить себя подняться на колени и оглядеться. Но лай уже почти рядом, а если

собаки настоящие, а не подобия Ларкиного мопса...

Вот они! Огромные темные тени налетели ураганом и сбили с коленей. И опять я вся – комком, и кажется ору. Да – я... и голос же какой мерзкий – тонкий, слабый. По мне гарцуют, толкутся, топчутся, горячо дышат в лицо! Где-то это больно, куда-то давит, царапают когти, но в основном... длинный горячий язык проходится по щеке, глазу и лбу, и - тихий скулеж, а потом и радостный, громкий лай.

Фу ты, мать моя... собаки-улыбаки, что ли? И не травили меня ими, а просто разыскивали?

- Вон пошли... шавки поганные, напугали мамку до смерти, - прошипела дрожащим голосом, пытаюсь оттолкнуть от себя здоровенные косматые туши. Но облегчение же какое! Потискать, обнять бы... ох и смердят же! А, наверное, не больше, чем я. Запах пота от подмышек ужасен. Не помню, чтобы когда так воняла... Прямая опасность ушла, но состояние все равно нервное - будто я на каком-то старте и невыносимо просто хочется отпустить себя – двигаться, бежать, орать! Что угодно, чтобы не сойти с ума...

От земли телу передаются слабые толчки, а следом долетают и звуки – мягкий конский топот. Ну да - земля же, трава, не асфальт... мысли мечутся. Не успела толком отойти от собачьей атаки и опять изнутри поднимается паника, заставляя сжаться протестующим комком и не давая разомкнуть веки и взглянуть в глаза своим страхам.

Нужно что-то делать – обливаюсь холодным потом... ина-

че эта трусиха и паникерша просто задавит меня. Обоссусь на фиг!. А то и хуже – живот уже крутит. Ожидание опасности в сотни раз хуже самой опасности... И я усиленно думаю, думаю, думаю! Лишь бы о чем. Но отвлечься и заболтать в уме даже не страх, а душный, липкий ужас не получается.

- Леди жена! – на мужской рык тело отзывается ледяными мурашками. А... ага - муж, значит - пытается результативно мыслить мой теперь уже мозг. Но как его разделы и клетки потеснила моя собственная память и куда, на хрен, делась память донора? И... ага - муж ищет леди с собаками? Мило как, гадство, прелесть же какая! А леди эта спряталась внутри так глубоко, что я уже не слышу даже отголоска ее чувств или эмоций. Чувство опасности, а отсюда и здоровый страх – это уже чисто мое, а вот женское любопытство чувствуется не совсем здоровым - муж, значит?

Одним глазком... чтоб хоть не так страшно.

Луна совсем ушла в тучи, и быстро приближающийся мужчина видится громоздким темным силуэтом на светлых ножках. Высокий... или, скорее, мне так кажется снизу. И это все, что можно разглядеть, остальное скрывает ночная темень и странная одежда. И есть еще... подъезжают другие люди. С ними он говорит хриплым... очень авторитетным голосом, и резко, отрывисто – командами. И на английском, который я, в принципе, отлично знаю, но сейчас мне понятны далеко не все слова. Вернее, улавливаю не весь смысл того, что он говорит. И ничего странного - кроме того, что ме-

шает эта хрипотца, вообще иногда понять англоязычного собеседника, не сломав себе мозг, по-настоящему трудно. Американский, канадский, восточный и африканский английский это уже даже не диалекты, а варианты языка наряду с аутентичным британским. А существуют еще акценты и говоры... Но сколько же лет должно было пройти, чтобы британский претерпел настолько сильные изменения до современного моему? Это не годы и даже не век - века...?

Сам английский, его история, чуть более углубленно - история носителей языка в интересных фактах... дай Бог, как говорится, на том свете профессору Шмелевичу! Потому что это он вдабливал в наши с Ларкой головы:

- Знания много места не занимают. Если завтра будете знать немного больше, чем вчера, ничего с вашей головой не случится. Передозировки – точно. А из знаний всегда можно извлечь много полезного.

Этот... наш муж явно изъяснялся на одном из британских диалектов. И странно тянул гласные, иногда будто даже переставляя буквы, а d мягко подменяя на t. А вообще говорил резко и отрывисто, похоже, хорошо так на нервах. Закрывать глаза, спрятаться... зудит внутри. Голос приблизился, шум шагов по траве стих рядом со мной.

Ну и...?!!! Добей уже, собака! Ожидание почти невыносимо, чувство такое – предел, точка кипения мозга! Еще миг и я суматошно заору матом!

И вдруг... он подхватил меня на руки, правда грязно руга-

ясь при этом сквозь зубы и куда-то понес. Я потерянно провисла задницей на чужих руках, пытаюсь мыслить разумно. Получалось плохо – в голове каша, мысли – лавиной. Адреналиновый откат. Но жива! Пока жива...

От него воняло. Как и от меня, впрочем. Тут без претензий. Ну и... он не дергал и не толкал меня, не давил больно, оставляя злые синяки, а наоборот – прижимал к себе, как ребенка, можно сказать с осторожностью, хотя явно был зол. Да не то слово! И дышал, как загнанный зверь. Или как зверь, который загнал жертву и следующим этапом, по идее – разодрать и сожрать ее к чертям собачьим! Это больше отвечало бы моменту. Но он не делал мне ничего плохого. Совместными усилиями мужчины водрузили меня на коня, усадив перед ним и отряд тронулся дальше в путь по ночному лесу. Я замерла, цепляясь за его одежду.

И вот сейчас особенно остро я чувствовала свою неготовность ко всему этому и жуткую нереальность происходящего. Потому что точно это уже не глюки, а началась движуха, как сказал бы Вадька. А я в этом дурацком состоянии стресса не то, что не в состоянии разумно мыслить – я картину окружающего в деталях не воспринимаю! Только основное действие, остальное плавно – мимо мозга. А мне бы узнать хоть что-то. Успокоив сердце и тихо повозившись в мужских руках, я решила, наконец, и осторожно мыкнула:

- А мы куда? – и до чего же противный у бабы голос! Или просто непривычный?

Грудные мышцы мужика, к которым я крепко прижата, отчетливо напряглись, последовал глубокий вдох... а дальше и злой, даже издевательский ответ. Во всяком случае, тон тот самый:

- В Бьюли, судя по всему, леди жена? Вы посмели подслушать наш с Джейденом разговор? Или все еще проще - глупый побег в ночь к монахам всяко лучше жизни с развратным мужем?

- Так и есть, - брякнула я, когда первая оторопь прошла. И понимала же, что промолчать в ответ на откровенный наезд иногда не просто можно, а нужно. Но на навоз же изойду - сейчас, когда настолько на взводе. Когда мозг просто кипит! Промолчать - невыносимо, невозможно! Словестный понос прописан мне сейчас, как лекарство. А посему...

- Развратный муж не самый лучший муж – это очевидно. Монахи, по крайней мере, соблюдают если и не приличия, то их видимость. Вы же... по всей видимости, не сочли нужным сделать даже этого.

- Я объяснял необходимость *временного* присутствия Аннет Бигли в нашем доме. Как последний глупец, снизошел до объяснений, Джейн. А вы что!.. – прошипел он мне на ухо, а хватка его стала болезненной.

- А я...? Не давите на ребра, больно, – проблеяла в ответ я, - а то я тоже... прямо сейчас нащиплю вам синяков на самых видных местах.

Мужик замер, а потом надолго умолк. А я закусила щеку

до крови. Дура, безнадежная беспросветная дура... помалкивать нужно или говорить простыми, короткими фразами. До выяснения хотя бы чего-то. А то расслабилась, идиотка... а не факт, что больше мне ничего не грозит. Не зря же был тот липкий страх? Может доведет до этого самого Бьюли и в более удобной обстановке... и не подручными, а специальными средствами...

Но верилось в это плохо, первое впечатление о человеке, как правило, самое верное. А здесь оно не самое плохое. Развратный он... В смысле – гуляющий? Господи, да кого этим удивишь?! Особенно в наше время. Это скорее если наоборот...

Тихий шум, ровный такой шелест, уже какое-то время приближающийся из-за спины, заставил меня прислушаться... упали первые капли. А тихо как вокруг, Боже ж ты мой! Только звук дыхания людей и коней, глухой стук копыт и этот спокойный, мелодичный шелест... дождь теплый, летний. Разложить бы на ноты...

Мужик испортил момент, коротко рыкнув куда-то в сторону:

- Разверни дождевую накидку, Берт, укрой нас... поедем шагом – аббатство уже рядом. Вскачь вымокнем до нитки.

- Так и есть, сэр... милорд, - прохрипело рядом и сверху на нас упала широкая накидка. Простужены они все тут, что ли?

«Муж» поправил накидку, укутывая и меня тоже. А даль-

ше только недовольно сопел и молчал всю дорогу. Странно...

Судя по ужасу, который чувствовала его жена, догнав, он должен был, как минимум, отмутузить ее сапогами. А он кушает, пряча от дождя. Странно... Придется составить собственное мнение и о нем, и об Аннет, которая временно живет в *нашем* доме и этим самым заставляет жену считать своего мужа *развратным*.

Развратный муж – однозначно плохо. Хотя, на мой взгляд и не смертельно до такой степени, чтобы бежать ночью куда глаза глядят. Хотя, опять же, что я могу знать об этом? Чтобы понять человека, нужно пережить подобное тому, что переживает он. А я даже посочувствовать толком не могу - не знаю, не переживала мужского предательства. Но не зря же его называют маленькой смертью?

Ваня ни разу не дал мне понять или хоть на миг почувствовать что-то такое чтобы усомниться в нем. А там - кто его знает? Утверждать и гарантировать на все сто процентов я не возьмусь – было бы глупо, но мне даже в голову не приходило подобного!

А этот, кажется, даже потрудился объяснить необходимость разврата, но жена, похоже, не прониклась объяснениями и сбежала. В мужской монастырь. А почему туда? Логичнее бы в женский. Тут как-то совсем тухло - сказал бы Вадька. Но видимой опасности для себя я пока не видела. Значит причины ее страха тоже еще предстоит выяснить.

Может это и не муж.

Сэр, милорд? Сэр – это уважительно в наше время, а раньше так обращались к аристократам. Милорд? Мой лорд... человек выше по положению в обществе. И - Англия, понятное дело. Кони, короткие широкие плащи, длинные платья женщин. Подробно рассмотрев одежду на свету, о временном промежутке можно будет сказать точнее. Но каким боком я к этой Англии?

Деревья расступились как-то незаметно, просто стало вдруг чуточку светлее и просторнее, а впереди наоборот – нарисовалось еще более плотное пятно. Это большое здание. Вернее, целый комплекс зданий. А вскоре весь обзор заслонили собой ворота и один из мужчин безо всяких церемоний стал лупить по ним чем-то металлическим, попадая опять-таки по металлу. Ну, это жуть! Люди внутри скорее всего давно спят. Но нам это, похоже, побоку.

- Шестеро и... - кивнув на меня, скинул "муж" информацию человеку в белом одеянии, приоткрывшему калитку. И человек этот молча открыл еще и ворота. Я не стала бы – мало ли кто такие? Странная беспечность, фатализмом пахнет.

Но это ладно, а вот это "и..." Даже если она натворила! Все равно же имеет право на статус? Средние века... пусть пока так - ориентировочно... но они отличались строжайшей иерархией и очень сложными, но обязательными правилами этикета. Понятно, что мужик еще не остыл, что он в ярости...

а брак тогда зачастую был просто деловой сделкой, дети и жена - необходимым побочным продуктом, потому и относился к ним глава семьи зачастую, как к грязи... Но смолчать опять трудно, почти невозможно, хотя его злость почти осязаема, давит, как... взгляд не поднять. Но то ли это желание отстоять свое право на личность "здесь", то ли борьба со страхами - наперекор всему... но рот открывается сам:

- И – леди, которая носит ваше имя, с вашего позволения. В крайнем случае можно обойтись просто women.

Не ответил... Отворачиваясь, краем глаза я успела заметить на голове мужчины берет с пушистым пером и короткими то ли полями, то ли оборкой, а еще бородку. Взглянуть прямо не хватило духу. А челядь чуть оживилась, но под взглядом начальства одобрительные шепотки тут же стихли.

Спешившись, мы все прошли в ворота (коней и собак вели следом) и пошли за монахом по внутреннему двору, окруженному арочной галереей. За ней с трех сторон смутно виднелись строения аббатства. Но сквозь дождь и темень все равно ничего не рассмотреть, я и не пыталась. Тут не навернуться бы на мокрой брусчатке.

Но в аббатстве явно существовала проблема – в ноздри лез ужасный запах. Ему трудно было найти объяснение, проще просто прикрыть ладонью нос, но и это не слишком помогало. Да не так и важно это - запахи. Что ждет меня там, впереди – вот о чем должна болеть голова. «Муж» все так же держал над нами дождевую накидку, прижимая меня к

своему боку. И сдерживал шаг, принаравливаясь к моему. Это обнадеживало. Белая сутана маячила впереди, а вскоре необходимость задерживать дыхание ушла - я переступила порог каменного строения.

- Здесь гостевой дом, располагайтесь в зале на лавках, кельи все заняты, - пропустил нас вперед монах, - трапезная закрыта на ночь, но утром еда будет.

- Знаю я вашу еду – трава и вода, - недовольно проворчал «муж», - на рассвете выезжаем. И я хочу видеть аббата.

- Прямо сейчас, сэр? – уточнил монах. Его одежда выглядела дешево и грубо. Похоже, была сделана из не совсем качественной некрашенной шерсти – коротковатая туника с капюшоном и широкими просторными рукавами, а из-под нее видны ноги в простых чулках и грубых сандалиях. Настолько удивительно и непривычно...

- Белый монах?

- Пока только послушник, миледи - брат Бриам, я совсем недавно в братстве. Монахам уже нельзя разговаривать с женщинами, а ангелические одежды цистерцианцев – от бедности, - пояснил пожилой мужчина, - добрые краски стоят дорого. Мы сами выращиваем и валяем шерсть для своих одежд.

- А! Так во дворе смердело шерстяным производством? – обрадовалась я - хоть что-то стало понятно. Вспомнились кадры из фильма, где шерсть весело выбивали в прокисшей моче, кажется, обезжиривая ее таким образом.

- Зависит от погоды, миледи. Обычно запахи... производства сдувает ветром с реки и в клойстере пахнет целебными травами. Гербариумом занимается брат Освин. Но сегодня воздух недвижим, слишком тихо, - улыбался послушник, блестя лысиной и круглыми, как у совы, добрыми глазами.

- Любопытно... я бы с удовольствием расспросила брата Освина о травах. Жаль, что... - я готова была говорить с этим симпатичным человеком хоть и весь остаток ночи. Потому что опять становилось страшно даже просто взглянуть на «мужа». Что я увижу в глазах этой каменной глыбы - приговор? Зачем среди ночи ему понадобился аббат?

- Аббат нужен мне сей же час! – тут же подтвердил он мои страхи.

Буквально заставляя себя, через силу, но я подняла взгляд. И он тоже смотрел на меня – среднего роста, темно-волосый, с узким сухим лицом в короткой темной бородке и усах и с крепко сжатыми губами. Твердые скулы и предупреждающий прищур темных глаз в коротких густых ресницах. Не красавец, ну так и не должен... Нормальная внешность, если бы не непримиримое выражение лица и слишком пристальный взгляд. Точно определить его возраст не получалось - мешала бородка, но может около сорока... по меркам нашего времени. Здесь, наверное, нужно скинуть... тогда уже в пятьдесят люди выглядели стариками. Необычна манера держаться - гордый разворот плеч, красивая осанка

сухощавого, судя по стройности ног, тела, уверенный взгляд и длинный тонкий кинжал на поясе. А еще одежда... И вот здесь все очень плохо, потому что в памяти всплывали аналогии и более-менее точные даты...

Экзотичный просто до неприличия наряд «мужа» выглядел намного дороже, чем одежда остальных мужчин, которые стояли рядом и слушали наш разговор. И он тоже, будто только сейчас вспомнив о них, окинул всех раздраженным взглядом, нахмурился и нехотя объяснил послушнику:

- Леди Ризли провела эту ночь одна в Нью-Форест.

- Эта леди...? Вы тот самый Ризли, милорд? Нет! Я не должен был спрашивать... но я здесь всего...

- Моя жена – леди Ризли провела эту ночь в лесу. Одна!

- резко прервал его «муж».

- Да-а... а-а леди Ризли не желает провести остаток ночи в спасительной молитве? – начал мужчина опасливо суетиться, - что-то там было, миледи... напугало вас в Новом Лесу?

- Нет, я не припомню ничего такого, - осторожничала я.

- Не помните или же не случилось? Вы не проходили по краю Холмов? А не видели там случаем Лоренса? Или...? У вас случаем не заболела спина? – нечаянно, похоже, потер он свою поясницу, - говорят, что эльфы незаметно пускают стрелы прямо в спины и после этого они немилосердно болят. Тогда вам поможет как раз брат Освин – рану от стрелы эльфа следует лечить снадобьями из трав, которые напоминают собой наверху стрелы. А это пиретриум девичий или

подорож...

- Трудности у миледи не со спиной, а с головой, - прекратил «муж» поток увлекательного бреда, - она говорит теперь не так, как должно, как говорила раньше. А значит, что-то все же случилось в Нью-Форест. Что это было, не желаете сознаться добровольно? – строго звучал хриплый, сорванный похоже когда-то голос.

- Не помню ничего такого, иначе создалась бы с радостью. Кто же в здравом уме откажется от помощи? - опять начинала я бояться, или она, - а Лоренс, это...?

- Нет, – настаивал муж, - вам определенно нужна помощь.

- Может понадобится отчитка, – напомнил о себе послушник.

- Посмотрим... а сейчас немедленно ложитесь все спать. Есть здесь место для женщины, брат Брит?

- Бриам. Там, в углу где-то ширма, сэр. Пойдемте, я провожу вас...

Я начала засыпать сразу же, как голова коснулась кем-то свернутого для меня плаща. Только он под головой и широкая голая скамья – что может быть лучше для усталого тела?

- Спасибо, вы очень любезны, - поблагодарила заплетающимся от усталости языком. Доброе отношение к людям, ожидание ответного...

- Да, как-то... слишком осмелела, что ли? И смотрит... - отдалялся разговор, - а может там был призрак Вильгельма Руфуса?

- Он, говорят, сильно, долго и часто любил разных леди, так что вредить бабе не стал бы.

- Так может он и... того её? А она с перепугу...?

- На радостях еще скажи... Призрак же!

- А если все ж колдуньи?

- Вряд ли... хартия защищает их тоже, как и всех прочих commoners***. Потому и к местным они благодущны... лечат даже, да и сами пользуются благосклонностью...

Мама моя... проваливалась я куда-то между мирами.

Так здесь, кроме «мужа» и призрака э-э-э... Вильгельма, есть еще эльфы и колдуньи? Так-то... и что ей не жилось? Муж, судя по мелким признакам – не совсем тиран, хотя характер явно не сахар. А ведь по слухам в старину царил сплошной домострой. Дело в Аннет? Так с пляжа ее! Но сначала нужно разобраться – может без нее там никак?

Есть анекдот такой: фермер советуется с коллегой:

- Слушай... корова замечательная – смирная, удоистая. Вроде и «за быками», но стоит подвести ее к быку, тут же падает на жопу - и всё!

- А купил ты ее, случайно, не на Рязанщине? – понятно кивает тот.

- Да, там. А откуда ты...?

- У меня жена из Рязани.

Ваня называл меня «рязаночкой», когда получал облом. Понимание при этом, правда, проявлял – не каждый раз мы совпадали в желаниях. Но это его «рязаночка, блин»... улы-

балась я сквозь полусон, смертельно жалея о каждом своем отказе.

Так может все дело в этом? Мужу этому – сэру, просто... тупо... реально не хватало секса?

*** Официально права местных жителей были закреплены в своде законов под названием «Хартия Леса». Лес Нью-Форест – огромный лесной массив, искусственно насаженный в 1079 году, в последующие века был использован для королевской охоты. Вначале с людьми, которые жили на той территории, обошлись по-скотски – выгнали из жилищ и снесли целые селения, засадив местность деревьями. Не позволяли собирать хворост, ягоды и проч. И даже выкалывали глаза, если ловили в лесу – якобы нарушители тревожили оленей. Потом, много позже, была создана «Хартия леса», она аннулировала смертную казнь и прочие телесные наказания. Давала право посещения леса и даже выпаса в нем домашних животных.

Commoners – местные жители, владеющие землей возле этого леса.

Глава 4

Травы, густо теснившиеся на грядках, по большей части выглядели скромно, но пахли после дождя просто бесподобно. Я склонялась над ними и, отщипывая по листику, растирала пряную зелень между пальцев. Вдыхала яркий аромат, щурясь, как довольный кот. Были здесь и смутно напоминающие что-то такое... но чаще совсем незнакомые мне растения. Узнала только розмарин, шалфей, мяту, тимьян, укроп, пижму и петрушку. Но здесь росло и многое другое, даже цветы – белоснежные пионы и целая грядка алых маков с непривычно черной окантовкой лепестков. Уходить не хотелось.

- Прощения, миледи... - извиняясь, наверное, за то, что помешал, коротко поклонился мне мужчина из отряда Ризли. Я уже легко различала их – длинные и невысокие, худые и плотные, эти мужчины и одеты были по-разному. Сейчас ко мне обращался Джон – средних лет плотный крепыш с гладко выбритым лицом. Когда и где успел? Я только лицо и руки наспех ополоснула.

Конечно, хотелось бы знать, как выгляжу здесь я. Каждый раз чувствуя себя в снах как-то причастной к этому телу, со стороны я Джейн не видела. И первым делом, попав из темноты в скромно освещенное свечами помещение, поспешила рассмотреть на себе все, что смогла - узкие грязные

кисти рук с худыми пальцами и коротко, но аккуратно обрезанными ногтями, почти полное отсутствие груди и темно-красную, неплохого качества шерсть очень и очень странного платья. Порядком потрепанного, как и рваные туфельки, сшитые из мягкой кожи – обе на одну и ту же ногу.

Делать парные обувные колодки стали в конце XVI века. Как будущим товароведом, эту и другую любопытную информацию нам как-то озвучивали в институте. Но это ладно, дойдет дело и до конкретных дат.

Тут – внешность... Кожа на руках не выглядела юной, скорее, как у женщины лет под тридцать. И регулярным физическим трудом эта женщина похоже не занималась. Рыжевато-русый цвет волос показался мне приятным, хоть и непривычным – я давно уже красилась в густой каштановый, а природный свой - темно-русый, почти забыла. Сбивало с толку то, что туго натянутые волосы были заплетены в две косы и намертво закреплены на висках большими крутыми бубликами. Моим представлениям о прическе взрослой женщины, а тем более знатной, это не отвечало.

Так что взглянуть на себя хотелось и очень сильно, но просить монахов найти где-нибудь тут зеркало эт-то... И темной воды, в которую можно поглядеться, рядом тоже не наблюдалось. Значит и это откладывалось на потом.

- Пора? Уже уезжаем? - вздохнув, оторвалась я взглядом от травяных грядок и поплелась к конюшням, придерживая подол платья. Не одежда, а несчастье... Откуда-то сбоку

опять пахло "производством".

Впереди меня, с боков и сзади шли люди «мужа». Не охрана, необходимости в ней здесь не было. Наверное, так они прикрывали меня от взглядов монахов, дабы не искушать тех видом женщины. Хотя мужики в белых хламидах и так отворачивались и обходили меня стороной. Такое целомудрие уже не казалось чем-то чрезмерным на фоне общей аскезы – грубых одежд, жесткой постели, убогой обуви, но особенно – еды. Муж Джейн оказался прав и на завтрак нам предложили только вареные овощи, серый хлеб и чистую воду.

С раннего утра, только посветлел край неба, на территории аббатства зазвучали молитвенные песнопения. Поднять они подняли, но толком не разбудили, хотя к окну, нога за ногу, я и поплелась – нужно было знать, что там делается. Просто уснуть опять не получилось бы все равно – я и без этого не чувствовала себя спокойно и в безопасности. Да и вживаться в окружающий мир нужно было энергичнее, узнавая его ближе – это уже становилось вопросом выживания.

А зрелище открылось интересное: вдоль центрального двора – клойстера, мимо арочной галереи, как корабли кильватерным строем, шествовали друг за другом монахи в чуть более длинных, чем у Бриама, одеждах разной вариации белого цвета. Наверное, оттенок этот зависел от степени чистоты или заношенности. И что удивительно - эти бесформенные хламиды и капюшоны смотрелись здесь торжественнее и правильнее, чем парчевые ризы на богослужении в храме

Христа Спасителя. Я не размышляла над этим специально и не кощунствовала даже мысленно. Но в святость нищих и тощих монахов почему-то верилось легче.

И потом, когда уже закончилось утреннее богослужение, сквозь открытые двери храма продолжал раздаваться монотонный шепот молитв. А основная масса народа так же цепочкой просочилась наружу и растеклась по территории аббатства. В пределах видимости работали два молодых монаха или же послушника. Подоткнув свои хламиды до колен и закрепив широкие рукава на плечах, они склонились над грядками и что-то там делали.

Наверное, пряные травы порядком разнообразили скудный монастырский рацион. Хотя в нем имелась и рыба. Это я выяснила, почувствовав странное беспокойство за этих людей. Потому что хорошо выполненный на энергии от одних только овощей физический и духовный труд - фикция. А он делался. Значит - за счет внутренних резервов и здоровья соответственно.

Но была рыба и была река, где она водилась. А на той стороне стояла деревня с тем же названием, что и аббатство - Бюли. Из монастыря ее не было видно, так что знакомство с провинциальной архитектурой тоже откладывалось.

Второй и последний в сутках прием пищи у монахов был бы ближе к вечеру – каша, вареная рыба и опять овощи. Меня просветили на этот счет товарищи... а скорее все-таки слуги "мужа". Подчинение его слову было безоговорочным

и беспрекословным, как уверенному лидеру или командиру. Ну, или хозяину. Что, в принципе...

- Вы позволите мне, миледи?

Меня опять вскинули на коня впереди «мужа», и я ухватилась за него, обняв за пояс. Иначе никак - рухну. Обеими руками он держал поводья, страхуя меня предплечьем. Резкий конский и не менее резкий мужской запах не впечатлил так сильно, как вчера. Усталость накапливалась и сейчас мне было почти все равно – как, куда, зачем или почему? И даже - злится он еще или уже нет? Не выпалась и не отдохнула прошлой ночью, порядком утомил и потрепал нервы еще и разговор с аббатом... Я сидела за ширмой на низкой скамеечке, а высокий, сутулый и очень худой мужчина в белых одеждах задавал мне вопросы через «мужа». Формальности и правила таким образом были соблюдены.

Два раза! Два раза прослушав одно и то же, я все равно тупила. Смысл услышанного иногда просто не воспринимался, даже если я хорошо расслышала и сопоставила произношение с современным моему. На то, чтобы упорядочить в своей голове обороты речи с непривычно выстроенными по порядку словами, требовалось время, а его у меня почти не было... Я так напрягалась, вслушиваясь, что к концу разговора «муж» уже не отрывал от меня странного взгляда. Наверное, как я тогда, выглядят люди, борющиеся с запором.

Но и не только обороты речи... например, кто такой Лоренс, и при чем здесь король, о котором говорилось так, буд-

то он мог появиться прямо здесь и в любую минуту? Напрашивался вывод, что это тот самый призрак Вильгельма. Но уточнять я не рискнула так же, как и информацию о пикси. Кто эти пикси – осталось невыясненным, эльфы были как-то привычнее. Но духовное лицо упоминало и тех, и других с тем же выражением, с которым у нас упоминают черта. Впрочем, в этом случае он не сделал исключения и для «короля».

Мои ответы были абсолютно честными и особым разнообразием не отличались: не помню, не знаю, не видела или забыла. От страха, отчего еще? Слабая женщина одна в непростом ночном лесу... просто не могла выйти из него без последствий для психики. На это я и упирала, пустив слезу абсолютно искренне, потому что не выпалась, устала, а еще мне стали угрожать отчиткой. Страх почти не было и согласилась я на нее сразу и даже с облегчением. Как-то уверена была, что это просто молитва – надо мной или возле меня. И народу, похоже, просто нужно удостовериться, что я не притащила на себе из лесу ничего лишнего.

Счастьем было уже то, что меня только проверяли таким образом, а не обвинили с ходу. Средние века известны были охотой на ведьм. Но то ли в этой местности мракобесие не пустило корни слишком глубоко, то ли в местном обществе имелся иммунитет благодаря колдуньям, которые, в принципе, как и ведьмы, были женщинами, практикующими колдовство. Английский язык несложный язык - колдунья ли, ведьма ли, все равно - witch. А может и было в этих понятиях

неведомое мне тонкое отличие, обозначаемое интонациями или как-то иначе. И колдуньи считалась кем-то вроде травниц или целительниц.

В этом монастыре я чувствовала себя скорее в безопасности, чем наоборот. И все-таки случился один неприятный для меня момент - в разговоре мужчины помянули этих самых ведьм.

Когда люди говорят между собой о вещах общеизвестных или понятных обоим, они не стараются строить разговор так, чтобы он был предельно понятен окружающим. А тут вообще тема - не упоминай всуе, как говорится. Поэтому - упоминание, неопределенный жест, понимающий кивок и сразу же разговор зашел о другом. Я сути этой почти пантомимы не поняла, но насторожилась, уловив краем уха это *witcn*. Но потом заставила себя успокоиться - дальше ничего в поведении аббата и остальных не говорило о том, что это упоминание относилось ко мне.

Молитвы красиво читали и хором, и по одному, а я стояла за ширмой на коленях, тоже красиво сложив перед собой ладони. Вслушиваясь в монотонный речитатив и будто внутренне настроившись и зазвучав в унисон, я начала периодически клевать носом, роняя руки и испуганно упираясь ими о пол. «Муж», если успевал, тихонько толкал меня, не давая засыпать. Я сонно улыбалась и благодарно кивала, но потом глаза все равно ползли под лоб, а мысли плыли. Было трудно, но не смертельно трудно. Испытание я как-то прошла.

И вот мы ехали *домой*. К Аннет... Бигли, кажется. Мне-то было все равно на нее, потому что и *муж* воспринимался лицом посторонним. Но если Дженни любила его... а это за-просто – со временем даже мне он стал казаться вполне тер-пимым, то и у меня эта Аннет добрых мыслей не вызывала. Как, впрочем, и муж Джейн. Тащить любовницу в дом к жене – скотство. Это уже не просто глупить, а действовать во вред себе. Зачем эта игра на нервах? В конце концов, если тебе мало... ходи налево потихонечку, зачем тащить грязь в дом?

В этом свете мужское тело, к которому я была тесно при-жата, опасных чувств не вызывало. Да и не могло в принци-пе – уже понятно, что третий сорт по сравнению с Ваней, да еще и в настолько экстремальных условиях... зачем оно мне, даже если бы его величие и снизошло? Тут бы выжить...

Даже дома, где мужской интерес я иногда замечала, мне он не был нужен. После шести с лишним лет постельного за-тишья не радовал. Даже когда я начинала чувствовать что-то такое, похожее на встречный интерес к мужчине, почти сра-зу наступало разочарование. И даже не шевельнулось потом ничего в тоске об упущенной возможности.

- Просто ты ищешь к чему прицепиться сразу, как только осознаешь собственный интерес. При том, что люди поли-гамны и способны любить не один раз. Это просто зов при-роды, тяга к подходящему самцу, - ставила мне Ларка безна-дежный диагноз, - а ты будто вину перед ним за это чувству-ешь. Вот и маешься дурыю! Идеальных людей не существует.

И Ваня твой тоже... не любил рыбу.

Идеальных людей и правда не существует. И у моего мужа было намного больше мелких недостатков, обсуждать которые даже с ней я не собиралась. И, наверное, она была права, просто не пришло время. Или еще не ушло то – наше с ним? Я спокойно переносила хронический недотрах. Снился Ваня иногда и наши с ним постельные игры – и достаточно.

Привалившись к мужской груди, как к невоодушевленной стенке и то засыпая на ней, то просыпаясь, я воспринимала наш путь урывками и отдельными картинками. Мы ехали шагом... Проплывали мимо старые дубовые рощи с узловатой, глубоко порытой временем корой деревьев, потом умытые вчерашним дождем и уже прогретые солнцем пахучие сосны, кудрявые липы и пышные папоротники, на широких полянах розовели заросли вересков. Что интересно – по лесу проходила утоптанная дорога и я уверена, что была она не одна. Как я(она) вообще оказалась в той глухомани? Сойти с такой дороги и заблудиться рядом с ней, наверное сложно.

А может Дженни шла не просто куда глаза глядят, а по конкретному адресу? К той же колдунье, что и должна жить в глуши и лояльно относиться к щедро оплаченным просьбам. Известить соперницу, например. Или помочь самой сдохнуть с горя... Похоже, мне предстояло составить мнение и о Джейн. А еще она могла элементарно срезать угол, сокращая путь, потому что по дороге мы ехали уже долго.

Пару раз останавливались у ручьев чтобы умыться, по-

пить воды, сходить в кусты и размяться. Я уже рассмотрела местную мужскую одежду и, стараясь не думать об этом, уходила подальше в сторону, делала свои дела, если нужно и возвращалась потом, но не к попутчикам. Садилась к ручью чуть в сторонке. Мне нужно было время, чтобы прийти в себя или просто смириться. Я будто клин поймала, не желая думать об очевидном.

Сидеть в одиночку на поросшем травой берегу, глядя на чистую, свободно бегущую куда-то воду, было приятно даже несмотря на неудобный наряд. Потому что в природе все здесь было, как и у нас. Я задирала платье до колен... все равно там было что-то похожее на гольфы с завязками и снимала туфли.

Тихий плеск, птичий писк, и даже хруст непонятный где-то в зарослях не пугали. Как-то отложилось еще там – дома... из телевизора информация или интернета, но я знала, что хищников в Англии нет, а последний волк был убит еще в шестнадцатом веке. Медведями и крупными кошачьими они тем более не богаты, так чего тут бояться? Да и нет зверя страшнее человека – это давно известно.

Так и сидела, прислонившись к дереву, пригревшись на солнышке и почти засыпая, пока меня не начинали звать. Вставала, потягиваясь, умывалась холодной водой и опять шла на каторгу – в супружеские объятия. Предвкушала это удовольствие, как пытку – долго сидеть в одной позе, цепляясь за единственную опору, была та еще радость.

Было неудобно, непонятно, а еще и муторно на душе. Настолько все чужое! А вернее - чуждое. Куда еду, зачем? Помочь этой женщине? А как? Что между нами общего, в чем связь и смысл? Помирить их? Так любовью со стороны мужа здесь, похоже, и не пахло. Он и обнимал бы, и касался иначе. Влюбленных, пускай и не в меня, мужиков я видела не раз, и как они могут сходить с ума, знала. Так что – нет, не тот случай.

Хотя человеком он мог быть неплохим. Да, что-то заставило его притащить в дом Аннет. Именно заставило – откровенным дебилом он не выглядел. Да и был ли там «разврат»? Что-то могло быть понято не так. Да и незначительные, но очень значимые, на мой взгляд мелочи в его поведении говорили сами за себя. Я видела, что внимание к жене, пускай и просто вежливое, привычное – было. По-своему, пусть и грубовато, но он беспокоился и заботился о ней. Мог бы не огорчать - не стал бы, я думаю.

Пока так, а там видно будет.

Интерес в этой поездке и волнующее, хоть и не совсем приятное предвкушение вызывала только будущая встреча с предполагаемой любовницей «мужа». Очень мне хотелось разгадать данный ребус, понять хоть что-то об этой семье. А я даже имени его не знала, только фамилию – Ризли. Была она простой или знатного рода – неизвестно, не на слуху точно. Это не означало, что в истории Англии он не отметился, просто я плохо ее знала. Приставок же типа «де» или «ла»

наподобие французских, облегчающих понимание таких вещей, у англичан не существовало.

Но точно он не был простым человеком – сэр все-таки и с каким-то количеством людей в подчинении, это факт. Аббат говорил с ним уважительно, брат Бриам даже заискивал в конце, когда слышал имя. И еще аббат пошел на уступку со мной и даже принял этого Ризли посреди ночи. Хотя может это такая форма служения – в любое время и для любого человека? Я не удивилась бы – монастырь и монахи оставили о себе самое лучшее впечатление.

Глава 5

Красивый монастырь и мирные монахи. Удивительный лес... чудесный и лунной ночью, и белым днем. Эти звонкие ручьи, блики солнечные сквозь листья, гудение диких пчел и щебет птиц – идиллия, настоящее торжество жизни, ей-Богу!

Но мне красот этих было мало, нужно было что-то еще, чтобы продержаться. А что тут думать – Вадя и Ева. Душу грело уже то, что я знала - все там в порядке. Ева ходит девочкой, животик широкий и основательный, все показатели в норме. Я видела снимки, где уже просматривался настоящий человечек и знала, что все у них будет хорошо, потому что Славик любит жену. Мой зять очень большой и чуть полноватый, добрый, как плюшевый мишка, но и рыкнуть может, как медведь, хотя никогда не сделает этого без причины. Евка в хороших и надежных руках.

Немного тревожно было за Вадима. Я помогала ему деньгами. Он не просил, но я все равно кидала на карточку. Потому что жизнь в столице дорогая, первый год трудный, а совмещать полноценную учебу и подработку нереально сложно. Получится в ущерб знаниям, а то и здоровью. Да, он чувствует себя взрослым и ужасно самостоятельным. Вырвался из-под опеки и готов был тянуть любые лишения и трудности. Но я нашла слова и убедила сына в том, что первый год

точно буду участвовать и это нормально, а там... а дальше посмотрим.

Теперь ему поможет Славик. В первый, самый сложный год он не оставит его и это совершенно точно. Как-то я объясняла ему, что шлю Вадиму деньги не на гулянки, а чтобы нормально питался и жил в приемлемых условиях. Мужик он? Потерпел бы? А зачем, если мать этой помощью себя не обделяет и вполне платежеспособна? Вот будут у тебя свои... Он тогда согласился со мной.

Так что я спокойна, у меня все хорошо. Главное - дети в порядке, маму тоже не оставят – тот же отец поднимет свой зад, просто вынужден будет.

Меня позвали, отвлекая от мыслей о доме... А и поехали! Незаметно окинула всех взглядом, подошла с улыбкой - нормальные мужики. Пышные штанишки, правда, у «мужа», как у принца в «Золушке», из-под них вторые в обтяжку - в сапоги. Светлая ткань этих то ли колготок, то ли леггинсов смахивала на грубый трикотаж. А первая вязальная машина была изобретена в середине того же XVI века. Упорно рисовалась дата... Но даже в настолько колоритном одеянии с пристальным своим взглядом и решительным выражением лица наш с Дженни муж выглядел уверенно и солидно, главным его недостатком было другое.

Все остальные лишний раз меня не беспокоили, не злили и не бесили. А я никогда не забывала улыбаться и благодарить. Вначале они то ли озадаченно, то ли с любопытством

приглядывались. Судя по подслушанным мною словам, по сравнению с Джейн я осмелела и даже "смотрела". Знать бы ее хоть немного - постаралась бы соответствовать и поведением своим и даже взглядом, все женщины немного актрисы. Но теперь уж как есть...

Но даже в недоумении своем мужики меня не сторонились, пытаюсь угодить в малом, да еще будто в очередь... и тоже улыбались, даже шутили, похоже. Если бы я еще понимала! Юмор дело такое... часто местечковое. Со злым у меня был полный порядок и взаимопонимание, особенно в последнее время. С безобидным сложнее - английский всегда был для меня слишком тонок, а чисто мужской слегка шокировал. Когда-то Ваня смотрел первую серию «ДМБ» и даже не раз. А меня коротило... Потом, когда мужа не стало, фильм этот я пересмотрела и тоже не единожды. И что-то в этом, конечно, было – невозмутимая подача и абсолютная свобода говорить о вещах как бы и не совсем приличных. Чисто мужской юмор, как называл его муж, я оценила со временем, иногда даже цитировала про себя, примеряя к обстоятельствам.

- На конь! – раздался сбоку нервный рык.

Он просто так разговаривает – испуганно дернувшись, поняла я вдруг. Или не может, или не умеет иначе. То ли авторитет свой таким образом поддерживает, то ли в постоянном страхе держать народ привычно пытается. Но подчиняются ему без вопросов. Значит, тактика запугивания ис-

правно работает. Я тоже ею иногда пользовалась, но главный моим коньком была ирония. Иногда злая. Что стервой меня звали, знаю точно, а может и чего хуже. Но слушались.

Здесь я старалась даже не смотреть лишний раз... на сэра Ризли - никак не отпускало внутреннее напряжение, я побаивалась этого человека хотя бы потому, что по факту находилась сейчас в его власти. Была бы уверена, что сумею вовремя прогнуться, поддакнуть, промолчать - другое дело. Но уверена я в этом не была, потому что хорошо себя знала. Так что доедем... куда-то туда и, по возможности, стану обходить "мужа" по широкой дуге - от греха и его рыка подальше.

А пока пускай себе рычит болезный, лишь бы рук не распускал.

Уже на коне он свободно так положил руку мне на бедро и придвинул еще ближе к себе. И вот тут вдруг стало понятно, что рядом со мной мужчина в полной боевой готовности. Все мои ощущения, казалось, панически сосредоточились в бедре, прижатом к бугру в его штанах. Нет... логично, что мужики и здесь функционируют согласно законам физиологии. Вот только выглядел он при этом... наверное, просто нужно привыкать к мысли, что все происходит на самом деле, а одежда не делает человека. И паниковать тоже не стоило - прямо сейчас никто меня и ни к чему склонять не станет, но вот по приезду... А там есть Аннет Бигли – вспомнилось с радостным облегчением. Но с чего он вдруг возбудился?

Желание увидеть себя в зеркале возрастало пропорцио-

нально знакам внимания со стороны нашего мужа. Он дышали жарко сопел мне в ухо, а раньше этого не делал. И воняло от него все сильнее – потел? Я тоже, но от беспокойства.

Пыталась соображать в панике и пришла к тому, что можно бы и дать – тело не мое, привычно потерпит. А еще может случиться так, что согласия моего никто и не спросит. Но мало того, что мысль эта неприятна самой... уже почти привычно я чувствовала страх Дженни. Так может он скрытый маньяк? Садизм дело давнее, даже древнее и на скрижалях истории, как факт, запечатленное - тот же Жиль де Рэ, бесчинствовавший в замке Машикуль.

И тогда причина побега его жены более понятна – начинало потряхивать меня независимо... она тряслась где-то внутри и трясла меня.

«Муж» постепенно прекратил сопеть и ощутимо расслабился. А я чувствовала, как по ложбинке спины сбегает струйка холодного пота. Волосы на голове, по ощущению вставшие дыбом, как будто снова легли на место. Хотя как там...? Зализано же все насмерть... и зудит. От грязи, понятно, как и прочие... другие участки тела.

Будет трудно и не только физически. Но что-то уже брезжило... основы, тактика нужного поведения потихоньку вырисовывалась – нечаянно показав свой страх, мужчину я интересовать перестала. Значит буду трястись листом осиновым, как только он ко мне подойдет – чего проще? Мало покажется – напружу лужу под юбкой и пошлепаю по ней туф-

лей, как тот военком в «ДМБ».

Хорошее настроение было изгажено чужой похотью. Хотелось жалеть себя и плакать. А почему – нет? Я в образе. Слезы потекли по щекам и закапали с подбородка – Дженни внутри страдала. Шизофрения, однако... улыбнулась я сквозь слезы.

Вскоре отряд оживился и даже лошади будто ускорили шаг. Приближаемся к цели? Тому самому «нашему» дому, где ждет Аннет? Я собралась насколько это возможно, душу тянуло нездоровое любопытство. Еще и стыдное, потому что для кого-то тут несчастье, а мне развлекуха. Но это – пока. Пока дело не коснулось непосредственно меня. Потом смех может закончиться слезами и опять же – буду я бедная. Страх не появляется на пустом месте.

Сейчас для меня все на паузе – везли, как невоодушевленный груз, ничего особо не требовали – ни действий, ни решений, ни поступков. Но скоро что-то из этого может понадобиться. А я уже набоялась и наплакалась, кажется, на всю жизнь... и ужасно хотелось вымыться, наконец, и даже не поесть – пожрать. Выспаться полноценно.

Вид на дом открылся внезапно и сразу – дорога в очередной раз обогнула густую поросль подлеска, потом показалась опушка и... приехали.

Дом оказался просто необыкновенно хорош. Не крепость, не замок и не дворец – просто добротный старый двухэтажный дом из красного обожженного кирпича под пухлой кры-

шей из сероватой соломы и высокими выносами нескольких каминных труб. Он стоял на широкой лесной поляне. Небольшие окна остеклены были во французском стиле - кусочками, и ярко сверкали на солнце – оно склонялось к закату за нашей спиной.

«Прекрасное – в простом». Соломенные крыши даже в наше время популярны в Англии. Когда-то давно, еще до моего замужества я, Лариса и наши мамы, которые тоже были хорошо знакомы - через нас, купили экскурсионный тур. Так что краешком, кусочечком, но страну эту я посмотрела. Сказать, что знаю ее, было бы неправильно, но что-то я видела и это не только Лондон и Виндзор. Такие дома называют *thatched cottages* - коттеджи с соломенной крышей. И смотрятся они, как сказочные пряничные домики. Солома из особого сорта пшеницы или речной тростник на самом деле очень прочный материал и может служить до полувека. А уж если обработан современными препаратами!

Нас отделяла от дома небольшая быстрая река, через нее, соответственно, перекинут был мост. И ничуть не моложе и не хуже дома – изогнутый крутой аркой, толстенный и основательный.

- Красиво... - выдохнула я, заглядевшись. Опомнилась и добавила: - На закате дом смотрится очень выгодно, господин муж наш.

- Я полагаю - с вашей стороны это шаг к примирению, миледи? – насторожено поинтересовался «муж».

- А с вашей... они были? Шаги?

- Вы знаете.

Я отвернулась, потому что не знала. А он говорил нормально, только когда делал это шепотом. Потому что сразу же последовал низкий рык:

- Свободны, Джон. Случится необходимость – вас позовут.

Отряд притормозил и дальше мы поехали уже вдвоем. Становилось не по себе – уже привыкла к негромким разговорам и виду этих мужчин. С ними было уютнее, но, оглянувшись, я увидела, как маленький отряд ускорился, проскакал по дороге мимо, а потом свернул куда-то левее.

А мы въехали на мост. Широкий такой, крепкий и надежный – в моем вкусе. Цокали о камень копыта, бурлила внизу вода. Кажется, шум крутых перекатов должен был слышен даже в доме.

Проезжая по мощеной камнем дорожке к дому, я рассматривала разросшуюся живую изгородь, отделяющую дом от хоз. построек и пышное розовое цветение неизвестных кустиков. Дальше за домом виднелись длинные грядки и еще кусты и низкие широкие деревца.

Просторная дорожка огибала давно не кошенный травяной газон перед входом в дом. Такой же каретный подъезд я видела у дома в Михайловском и других старинных поместьях. Лошади, запряженные в карету или телегу, не умеют сдавать назад, как авто, а вот по кругу идут прекрасно.

Ощущения идеальной картинки... как в той же маленькой деревушке Чиппинг-Кампден в Глостершире, здесь не было. Там каждый дом был произведением искусства, лужайка перед ним - образчиком ландшафтного дизайна, настоящее буйство красок и чудо ухоженности. Здесь такой прилизанности не наблюдалось. И вон там, и здесь тоже... недоделано, не прибрано, не ухожено... обежала я все быстрым взглядом. Высокий каменный фундамент я бы выбелила, оконные рамы тоже выкрасила в белый цвет.

В дверях парадного входа стоял по виду ровесник «мужа» - мужчина лет примерно тридцати пяти - сорока. Очень в женском вкусе мужчина - темноволосый, крепкий, с резковатыми правильными чертами лица. Таких красавчиков я всегда обходила десятой дорогой - и в молодости, и сейчас. Но просто посмотреть можно - почему нет? Настоящая мужская красота встречается не так часто, особенно среди мужчин европейского типа. А еще он не был аристократом - одет добротно, но просто, как те - в отряде. Слуга, скорее всего, потому что и приветствовал хозяина коротким поклоном.

«Муж» подхватил меня подмышки, наклонился и опустил с коня. Еще чуть придержал, давая привыкнуть онемевшим ногам. Искренне поблагодарив, я шагнула к дому, опять разглядывая его и заодно с подозрением принохиваясь... где-то рядом туалет? Вблизи дом выглядел чуть хуже - сор на ступенях и дорожке, пыльные стекла окон и запашок этот... Я слышала, как «муж» прыгнул с коня и что-то там делал

– звякало. Но встретившись взглядом с женщиной в дверях, замерла – вот кто настоящий враг Джейн!

Это была даже не ненависть! Тут и злорадство, и издев-ка, и странное удовлетворение пополам с предвкушением. И нехорошее, очень нехорошее для меня обещание было в его взгляде и выражении лица. Оглянувшись, поняла, что «муж» этого не видел – смотрел куда-то на окна второго этажа.

И тут, оттолкнув мужчину, из двери выбежала совсем молодая девушка – рыженькая, полненькая и хорошенькая, наверное... В темном платье со странным передником и в светлом чепчике.

- Аннет! – предупреждающе рыкнул Ризли.

Но сбежав со ступеней и промчавшись мимо меня, девушка кинулась ему на шею, глядя щеки мужчины и ероша его бородку.

- Милорд, Томас... Томас! – имя я четко услышала, а вот дальнейшее сладко-приторное мурлыканье не разобрала.

И получается... разврат был.

И я ни разу не его жена. По факту - посторонний человек. И у меня не было слов!

Какое-то время я просто смотрела. Минуту, секунды? И все я понимала... и ведь зарок себе дала - наблюдать и молчать, молчать, молчать! Но проглотить такого плана хрень... это просто немыслимо. Это значило не только Дженни, но и себя не уважать. Это дать вытереть о нас с ней ноги – буквально. Наглядно, показательно, демонстративно!

Не глядя на меня, "муж" попытался отстранить девицу, но не гневно, а осторожно, как фарфоровую вазу. Она обернулась ко мне, буквально секунды непонятно смотрела и опять повисла на... Томасе. Так, получается, звали мужа Джейн - сэр Томас Ризли.

- Адер, уведи сестру! Не медля, теперь же! - рыкнул он опять.

Не знаю... но я вдруг перестала его бояться. Из него же веревки выют! Тряпка здесь он, а не несчастная Дженни. И этот его рык похоже единственным признаком принадлежности к настоящим мужчинам.

На эмоциях, само собой и уже сейчас понимая, что обязательно пожалею о том, что вообще рот открыла но... Криво улыбаясь, я выдала то, что рвалось из меня наружу:

- Простите, а "разврат", необходимость которого вы так старались объяснить... его обязательно демонстрировать? Или таким образом вы указываете мне место? Оно после вашей шлюхи? – и с какого мне раньше не нравился ее голос? Когда я им бляяла, наверное.

Ризли смотрел на меня в упор, сцепив зубы, а еще он белел... контраст между кожей лица и бородой становился все ярче. Глядя на это, наверное, белела и я... Воняло старой мочой. Не моей... пока еще нет. Почему здесь так воняет? - заклинило меня.

Джейн тогда кинулась в лес, населенный непонятно чем. Правда это или легенды - уже неважно... теперь я понимала

ее - умирать там, похоже... Точно - умирать лучше там, не так страшно.

Но развод же реален даже в это время! Долго и муторно, но это вполне реально. У них даже один из королей этим баловался. Так что прецедент есть. А судебный прецедент по конкретному делу (по решению европейского суда) в дальнейшем имеет силу источника права, то есть устанавливает правовые нормы. И так с древности. Читали, фильмы смотрели – знаем!

- Адер! - даже не прорычал, а проскрипел как-то "муж". Я отвела взгляд - слишком...

И слуга, наконец, сбежал со ступеней, чтобы увести девушку. И буквально отодрав ее руки от одежды нашего мужа, повел к дому, непонятно поглядывая при этом на меня.

А проходя мимо, он вдруг улыбнулся - непередаваемо мерзко. И проникновенно так сказал...будто бы и мне, но чтобы слышал и хозяин тоже:

- Моя сестра не шлюха. А вам... миледи, неведома благодарность.

- Уверены, что это сестра? Вы с ней совсем не похожи... Адер. А благодарить я погожу, - прошипела я в ответ.

- Кроме нас здесь нет слуг, а вам ведь понадобится еда... миледи, - с издевкой скривились красивые губы. А в голосе - только легкая укоризна. Тварь!

- Из ваших рук... Адер, я не приму и крошки, - не отводила я взгляд.

- Но тогда вы...

- Вон, Бигли! – рывкнул «муж», - собери свою одежду и убирайся! Живи в деревне, раз не способен держать рот зашитым.

- Аннет тоже? – уточнил тот.

- Нет, - развернулся «муж» и сам повел коня к конюшне, что стояла чуть на отшибе, за неухоженной изгородью.

Нет...

Нет...? Ну и черт с тобой! Развернувшись, я зашагала на выход. Куда? А хрен его... но сюда я точно не хотела. Утоплюсь на крайняк. Быстрее сдохну здесь – быстрее вернусь обратно, может там все не так и плохо. А нет – Ваня меня уже где-то ждет и давно. Самоубийство грех, конечно и Дженни жаль, но и это не жизнь. Она и сама уже решилась на что-то такое, смерти подобное. А может у нее были еще варианты, но я здесь не ориентируюсь совершенно. Для меня путь один. Ну... или лучше опять в лес. Вымоюсь наконец в ручье – вода не слишком холодная, поищу каких-нибудь ягод. И леса их я не боюсь. Там даже интересно – эльфы, колдуньи... у одной из них и остановлюсь. А случись король, я знаю, что ему сказать.

Быстрые шаги за спиной заставили остановиться и подождать – одумался? Но... резкий рывок за волосы обрушил меня на колени. Что-о-о?!... застлало глаза багровой пеленой.

«Муж» волок меня за волосы к дому. Довыёживались, ле-

ди? – стучало в башке. Ой, ду-ура! С трудом, но получилось привстать на ноги.

- Пустите! Больно! – согнувшись в три погибели, подбежала я за ним и выглядело это... очень далеко от достоинства. Перед глазами мелькали крепкие мужские ляжки в подобии трико, дальше вниз – черная кожа мягких высоких сапог совсем без каблуков, на пятках колесики золоченых шпор...

Кожа на висках горела огнем, в глазах темнело от боли.

- Сей же час, непременно... миледи, - шипел он, - только выясню, куда ты... лесная тварь, дела мою Джейн.

Глава 6

Люди находят свою любовь по-разному. Андрей Цимлян-ский нарвался на это дело на кладбище.

Он редко бывал на могиле жены – потерял ее уже давно. Да и тогда долго по ней он не горевал, скорее сильно растерялся и очень жалел... о том, что в свое время чего-то Наталье не додал, в чем-то отказал, но главное - так и не смог полюбить. Все так маются, наверное, когда уходит близкий человек. Память обязательно вытаскивает из заглазника те самые факты, щедро стимулирующие совесть, и она начинает исправно жрать тебя. Но и это со временем проходит и забывается, особенно когда надуманная вина на самом деле яйца выеденного не стоит.

Андрей старался не обижать жену, их брак «по залету» всегда казался ему удачным. Наташа была хорошей хозяйкой и стала неплохой матерью их сыну. Приятная внешне, молчаливая, вся в себе, в своих увлечениях вышивкой и вязанием, работу свою в конторе агрофирмы она просто отбывала. А он своею горел, пропадал в полях и на токах сутками. Она никогда этим не упрекала, дома его ждал вкусный ужин, чистая одежда и воспитанный сын. Спокойная совместная жизнь двух разумных людей без изматывающих драм и страстей, он считал – удалась. А дальше случилась та авария. Через два года сын уехал учиться и дом совсем опустел, брать

себе жену второй раз Андрей не видел смысла. Его работа занимала слишком много времени и если Наталья не особо на него претендовала, то со следующей женой могло так и не повезти.

Для души у него была работа, для тела – женщины, согласные на встречи без обязательств. Как только он начинал сомневаться в этом согласии, сразу деликатно, насколько получалось, расставался. Готовить простые и сытные блюда он умел и сам, прибрать за собой тоже. Душу не тянула тоска, одиночество не тяготило – привык. Душой он и так был одинок все время своего брака. Немногие друзья и работа давали необходимый минимум общения и этого хватало. До недавнего времени.

Старое кладбище густо заросло кустами сирени. Она как раз только зацвела – белая, голубоватая... горланили соловьи где-то в густом переплетении ветвей, а еще, наконец, потеплело и совсем потянуло на лето. Лавочка была удобной, со спинкой, и Андрей засиделся возле Натальи, вначале глядя с легкой грустью на ее портрет на обелиске, а потом и просто так, прикрыв глаза и думая уже о своем.

Вырвали его из раздумий голоса. Густые кусты не давали видеть соседний участок, но судя по звукам, туда подошли две женщины - пожилая и молодая. Они о чем-то тихо говорили между собой – ровно, без слез и надрыва, и Андрей опять расслабился. Что-то там у них постукивало, лилась вода... убираются – понял он. А потом затихло, будто они тоже

присели и замолчали, вспоминая...

И тут женщина постарше вдруг тихо запела – не очень умело и негромко, задумчиво... будто только для себя:

- Ты знаешь, мама, он такой... он не такой, как все... он не такой – другой...

- Надежный, ласковый, родной... - всхлипнул рядом молодой женский голос, и вот они тихонько пели уже вдвоем: - Он только мой! Он мой... А я за ним, как за стеной... Мама, ну зачем ты, а? Мама! – вскрикнула вдруг молодая женщина раненой чайкой и зарыдала – горько, искренне, ужасно... это было ужасно больно – даже просто слышать ее горе.

- Поплачь, поплачь, Оленька... - приговаривала старшая, даже не пытаясь остановить рыдания дочери: - Нужно же хоть иногда... нельзя замораживать в себе такое. Ты же, как неживая, как робот. А здесь можно – поплачь, выплесни хоть немного...

- Вот зачем ты, а? – стихала постепенно младшая.

Андрей, который хотел было уже уйти, замер за кустом, боясь обнаружить себя. И вынуждено услышал дальнейший их разговор:

- Шесть лет уже, Оленька... Ваня был хорошим, замечательным. Но отпусти ты уже это горе, прости ему его смерть и его тоже отпусти. Не нужно кого-то себе искать, просто взгляни вокруг – сколько же всего интересного! Не только работа твоя... Дети в тебе так сильно уже не нуждаются – выросли. Съезди куда-нибудь, развейся, отдохни, как люди

отдыхают – не только телом, но и душой тоже.

- А душой, мама, я с ним до сих пор, - ровным, почти спокойным уже голосом ответила молодая, - иначе уже и не будет... мне есть что помнить, чем жить. Я и правда за любовью этой, как за стеной.

- Только ты за ней жизни не видишь, Ольга, - посуровел голос матери.

- Моя жизнь это дети и ты, и папа тоже... Пошли уже потихоньку, соловьев еще послушаем по дороге. Алябьева сейчас хорошо понимаю... иногда тоже хочется на ноты... не заточена на это дело - жаль, - деликатно высморкалась она и, похоже – поднялась со скамьи.

Андрей тоже встал и потянулся посмотреть, как они уходят – две женщины, одетые опрятно и даже красиво. Молодая привлекала внимание не только стройной, скорее спортивной, чем женственной фигурой - была еще прическа. На ней Андрей растерянно залип - аккуратно и коротко стриженный затылок чуть выше переходил в форменное безобразие. Там царил полный бедлам – длинноватые волосы густыми волнистыми прядями раскинулись и торчали в разные стороны. Женщина привычно убрала их с лица, зачесав рукой назад и чуть повернулась. И он увидел... убранные локоны открыли кончик носа, висок и щеку, ничего больше рассмотреть он не успел. Но ей явно шел этот бедлам на голове... на ум пришло правильное определение - «живописный беспорядок».

Придя домой, он зачем-то набрал в поисковике – «корот-

кие женские стрижки». Листал долго и наконец нашел что-то похожее и называлось это чудо чудное «боб на ножке». Неудивительно... улыбался он весь остаток вечера – нормально назвать это просто невозможно.

Подслушанный разговор потянул за какую-то ниточку в душе. Тогда он опять вернулся на лавочку и попытался разобраться в себе – что за раздрай там нарисовался, а в мыслях – полнейший бардак, как у кое-кого на голове. Что-то и правда его штормило. И сожаление непонятное... желание вдруг - куда-то идти, даже бежать, что-то делать... только бы успеть!

И еще легкая зависть к тому мужику – Ивану Короткову, потому что его любили. По-настоящему - честно, как только можно любить... даже если спустя шесть лет он все равно для нее самый-самый. А его вот не любили, и он никогда не любил женщину. Считал – просто не способен. Смотрел сейчас на Наташин портрет... хорошая. Он всегда ценил ее, но и только. А жаль... сейчас впервые в жизни ему стало жаль, что не знал, не испытал... И никто никогда не запоем над ним вот так - умываясь слезами.

Стариком себя вдруг почувствовал... ну ладно – пенсионером, для которого все основное в прошлом, когда уже всё постиг и всего достиг, как говорится. В свои сорок два он все же чего-то достиг, но не постиг, получается. Не довелось.

Вскочил тогда, тем же жестом, что и Она, отбросил волосы со лба, потер его – на хрена ему все это, что за бред? Выкинуть из головы...

Но уходил он с участка, взглянув по дороге на фото того мужчины. Вполоборота на него смотрел молодой еще совсем... ну да – тридцать два для него так и не случилось... и, похоже, очень приятный человек – широкая улыбка, озорной взгляд, нос чуть картошкой, волосы ежиком, густые брови чуть приподняты будто с вопросом. То, что он оказался далеко не красавцем, почему-то заставило думать о той женщине с непонятным теплом, верить в ее искренность.

Второй раз он увидел ее – Ольгу Валерьевну Короткову, в гостях... или скорее – на приеме у человека, в дом которого он был вхож с тех пор, как стал владельцем небольшого завода по производству круп. Он прикупил его, имея уже почти что в личной собственности достаточно большие площади зерновых. Омельченко стал его партнером, поставляющим в хозяйство и на заводик спецтехнику и гарантировавшего по необходимости выполнение ремонтных работ.

День рождения жены Омельченко отмечали широко и дорого – с фейерверком и сервированными в саду столиками с белоснежными скатертями в пол, джазовым оркестриком и кучей гостей, среди которых Андрей узнавал людей довольно известных в городе. Свободно осматривался, чувствуя себя отвечающим требованиям и этого дома, и этого праздника – почти все мужчины, как и он, были в смокингах, а дамы в длинных вечерних платьях.

И вдруг взгляд зацепился за знакомую каштановую шевелюру и сердце стукнуло будто чуть громче или не совсем

там? Она или похожий «боб на ножке»? Лицо той Ольги он толком не видел, сейчас мог и обознаться. Весь этот вечер он наблюдал.

Молодая женщина пришла на праздник не одна – с подругой. Та была рыжей и какой-то величественной, что ли? Возле нее, наверное, пришлось бы соответствовать еще больше... на «боба» же хотелось смотреть не отрываясь. Потом рыжую попросили сыграть и спеть, и она сразу же согласилась, попросив подругу подыграть на гитаре. Гитару вскоре вынесли...

Андрей уже какое-то время напряженно решал в какой момент будет удобнее всего подойти и представиться. Ему нужно было услышать голос, чтобы удостовериться, что это та самая Ольга. Ну и... получилось, что удостоверился – рыжая, которую представили честной публике, как «милого, замечательного доктора», ослепительно улыбнулась, поклонилась, прошла и села за рояль. А «боб», взяв в руки гитару, погладила струны, подергала их слегка... взглянула на рыжую и согласно кивнула.

Вступление к известной классической мелодии не впечатлило его, настраивая на ожидание окончания. Но тут рыжая и сама, видно, поняла, что гости уже слегка навеселе и классику не оценят. Тогда она что-то сказала «бобу» и та опять согласно кивнула, подмигнув.

- Сегодня у меня на сердце выюга,

А неудачи будто ошалели... - зазвенел высокий женский

голос.

И тут «боб» подхватила песню тем самым голосом, что он так хорошо запомнил – негромким, грудным, теплым:

... так встретимся давай, моя подруга...

Ольга... она - радостно дернулось внутри.

А потом было то самое «пусть говорят, что дружбы женской не бывает...» Они пели грамотно поставленными головами, улыбаясь и с настроением, чувством даже. Завели публику так, что припева в их исполнении Андрей больше не слышал – его повторяли, пели и просто орали почти все присутствующие здесь женщины. Пафосный вечер вдруг стал теплым и щедрым на эмоции.

Не зря пришел – ликовал в душе мужчина... как же не зря я сюда пришел!

- Кто это пел сейчас? – спросил он чуть позже у соседа по столику.

- Ларису Шмелевич знаю... дочь профессора-археолога, уже почившего ныне. Она хороший врач, как и ее мать, кстати – рекомендую, если возникнут вопросы по урологии.

- Да, конечно... но я не о рыжей, - уточнил Андрей.

- Ее подруга, по всей видимости? Нет, эту женщину я никогда до этого не видел. Интересная... но Лариса много ярче.

А мне нужна эта – вдруг подумал Андрей - она только и нужна. И решил действовать. Их даже познакомили, но Ольга при этом смотрела будто сквозь него, хотя и была вежлива.

Тогда у него не получилось.

Дальше – больше...

Он выяснил, что работает она старшим товароведом в известной торговой сети. Подождал вечером у работы, чтобы заговорить с ней на правах уже знакомого и пригласить на свидание.

А она быстро села в выдавший виды джип и была такова. На следующий день Андрей ждал прямо на крыльце и с букетом. Был вежливо послан, а она опять уехала как ни в чем не бывало. Будто его и не стояло там. Будто он просто надоедливый комар. Отмахнулась вежливо, чуть небрежно и не придавая особого значения. И ему в том числе.

Что дальше? – мучился он - не вязать же ее по рукам и ногам, чтобы доставить в ресторан?

- А что ты сразу - штампами? Букеты, ресторан... а залился так нахера? Это масло, что ли? – удивлялся школьный еще друг.

- Иначе не уложить – торчат, мля... в «барбере» посоветовали. Я, Никола, даже ногти привел в порядок. Будто умом двинулся – думать ни о чем больше не могу! На барахло состояние истратил – и опять ей плевать! Что дальше?

- Придумать что свеженькое? Я ж говорю – ты действуешь штампами. А тут нужна исключительность, чтобы зацепило без вопросов, чтоб тупо стыдно было отказать – мужик же так старался! Вывернулся наизнанку, выложил на все сто! Отказать сможет только прожженная стерва, совсем без совести баба...

Андрей натужно кашлянул...

- Тебе вообще... зачем она? – поразился друг.

- Ольга не стерва. А свеженько тоже уже где-то было, - злился Андрей, - самое удачное свеженькое, как правило, уже на слуху, ничего нового не придумать. Измором ее брать?

- И да – покажешь так свою заинтересованность, заставишь поверить в серьезность намерений. Ты же серьезно?

- Ну... раз, чувствуя себя последним дураком, я собираюсь продолжать все это... Не знаю, - первый раз задумался Андрей в эту сторону, - отступить что ли? Получится – хорошо, нет... посмотрим.

Отступить не получилось.

Тогда, от отчаяния, наверное, но в голову ему пришел способ - не хочет она общаться, значит заставим, просто вынуждена будет. А заодно и делу польза... это если выгорит, конечно. Раньше даже не пытался, потому что вариант безнадежный, 99,9% за то, что ни хрена получится. Но сейчас эта доля процента дорогого стоила и через кучу знакомых, многие килограммы меда, дорогие подарки и ответные услуги... но он нашел выход на торговую сеть, где работала Ольга, получив для себя нужные рекомендации. Заключение этого чертов договора на поставки, не спал за всем этим почти месяц и почти не жрал. В конце концов, как и планировал, вышел на старшего товароведа – Ольгу...

- На хрен всё! Выкину из головы н-на хрен! Да я ее даже

не хочу, по большому счету – тут какой-то другой интерес... дурной, неестественный, - жаловался он опять Николе. Так друг просил называть его на этом этапе жизни.

- И ты добиваешься бабу, которую даже не хочешь? – не понял тот.

- Как бы тебе...? Я даже не нюхал ее... химии точно не было. Да она ближе, чем на ширину стола меня и не подпускает, здороваться за руку привычки не имеет. И делает вид... каждый раз она делает вид, что ничего же не было – моих букетов, приглашений, стояния возле их здания и ее машины... Я для нее – пустое место! Да, по работе она вынуждена контактировать, но старается решить все вопросы одним махом и на этом - все. Это машина – не человек! Стерва голимая!

- Так извернись как-то и понюхай наконец - чё? Может оно и правда того не стоит? – угорал друг, - ну ты даешь! Я такого еще...

Принюхаться не получалось, коснуться хотя бы пальцем тоже.

Почти три месяца Андрей, как последний дебил, танцевал качучу вокруг женщины, которой совершенно не был нужен. Он стал нервным и дерганным, плохо спал и ел, много и без толку думал. Зато работоспособность повысилась в разы – убегал в работу от мыслей об Ольге и от своих желаний тоже. Николаю он сказал неправду, но признаться в том, что с ним происходило, стыдно было даже другу.

Их с Ольгой недо-отношения завязаны были на песни с самого начала. Просто так совпало, а потом он уже сам... Как можно было признаться, что на переездах из Питера в свою агрофирму он давно уже слушает не шансон, а песни о любви? Перед глазами встают смысловые картинки, а действующие лица там, само собой – он и она. Как признаешься, что однажды пережало горло и он вдруг понял, что в шаге от того, чтобы пустить слезу – торкнуло то ли искреннее исполнение, то ли слова душевные - со смыслом, то ли хрен знает что еще. Но это точно было ненормально.

А край настал вообще...

В подборку на радио бросили старую песню «профессора Лебединского» о танцах на столе. Забойный припев вдруг осознался каким-то извращением, а в действии представился до предела живо и ярко. И он понял, что дальше вести машину просто не может.

Если бы кто проезжал тогда мимо по проселочной дороге, то увидел бы чудо-картинку: взрослый прилично одетый мужик враскоряку прыгал возле машины под Лебединского, поправляя время от времени стояк, широко при этом улыбаясь и приговаривая в предвкушении:

- Ну, доберусь я до тебя! Неделю ходить не сможешь... стерва... зараза Оленька! А я доберусь... я же доберусь! И за все ты мне ответишь, а вот за это – отдельно, по особому тарифу.

То начинал орать на припеве:

- А я её - Ю-ю-ю! А я её - Вау! А я её - Хой! А я её - Ха-ха...

Предел. Сумасшествие в чистом виде. Маразм.

Это нужно было или прекратить или немедленно осуществить, дальше просто смешно... он уже становился смешон – хорошо, пока только для себя. Нужно было увидаться с Ольгой и срочно что-то решать.

Прямо скажу, что совсем повернулся на ней, не ем, не сплю, не живу... готовил он речь. Она просто вынуждена будет выслушать – когда составляется акт пересортицы, при этом обязательно должен присутствовать представитель поставщика. И это будет он – Андрей Цимлянский. Он запрет-ся с ней в ее же кабинете и все выскажет, а может и позволит себе совсем чуть... И это будетили конец всему или начало. Потому что при нынешнем раскладе в перспективе у него только «дурка».

Что она любит другого, ничего и никто ей больше не нужен... это сказочки для дураков. Может и было правдой, но не спустя шесть лет. Если уж его тяга и потребность так велика – у человека, даже не подозревавшего, что так может быть, то какую же потребность в любви, нежности, заботе и куче еще всего должна испытывать она? Это же наркотик!

Понятно, что для нее все это связано с конкретным человеком. Но попытаться-то стоит? Дать ему возможность показать себя, а он постарается - очарует, уговорит, принудит, наконец... ласково. Женщинам он всегда нравился. За что,

почему – не так важно. Каждой – за что-то.

А она буквально высмеяла его в телефонном разговоре. Она издевалась и ерничала в то время, когда он... снова обломала и выбесила настолько! Дотянулся – убил бы. На хрен – сдался он в очередной раз, прикидывая заодно насколько надолго.

А через четыре дня все изменилось. Он стоял перед дверью ее квартиры и жал кнопку звонка с жутко колотящимся сердцем и решительно сдвинув брови. Ему только утром сообщили... совершенно случайно он узнал, что все эти дни Ольга находится в состоянии летаргического сна. Дома. После обследования и врачебного консилиума. Причиной будто бы считают перенесенную накануне простуду... усталость, нервное истощение, что-то еще до кучи, как варианты. Сам диагноз звучал потусторонним бредом, но оснований не верить своему источнику у него не было.

Назвать настоящую причину наступления состояния летаргии врачи до сих пор были не в состоянии и не только в Ольгином случае. Тайна это сродни мистической, или недостаточно изученный физиологический процесс, при котором сознание выключается, будто кнопкой?

Он сразу же постарался узнать об этом все, что только можно. Длинные статьи ответов не давали – почему сейчас, почему она, когда это закончится и чем? Немного успокаивало то, что ставили легкую форму, но определенную опасность представляла и она – важны были сроки.

Дверь открыла мать Ольги. И он сразу сказал то, что давно уже должен был сказать ее дочери. Но не говорил, потому что еще не понимал тогда сам...

- Здравствуйте, Вероника Павловна. Я люблю вашу дочь. Только сегодня узнал, что случилось вот так... Скажите, что все-таки с ней, что говорят врачи, каков прогноз и нужна ли вам помощь с ней – любая? Это грамотная сиделка или специальная аппаратура... да просто деньги на все это, в конце концов! - подрагивал его голос.

- Проходите, молодой человек, - распахнула женщина дверь шире, - я не знала... извините, но я не знала, что Оленька находится в отношениях.

- Пока еще трудно назвать их полноценными, но случится это обязательно, я и так непростительно затянул. Но об этом, давайте, потом? Сейчас о нуждах Ольги.

А дальше он узнал, что ни в чем она не нуждается, всем необходимым, что можно устроить за деньги, ее обеспечил отец.

- Валера долго не живет с нами... здесь все сложно. Но ни в коем случае не отказывался от дочери. Денег, которые он копил все эти годы, сейчас достаточно – на все буквально. И новый муж Ларочки предлагал свою помощь, Славик наш тоже... это зять. Нет – денег как раз достаточно.

- Хорошо. Тогда...?

- Подождите, не уходите... - жестом пригласила она его в гостиную. Указала на диван, и сама присела напротив, на-

пряженно уставившись на него.

- Я - Андрей, Вероника Павловна, зовите меня просто по имени. И я не уйду, не переживайте. Сколько нужно, столько и побуду с вами, - склонился он и поцеловал дрожащую в мелком треморе руку женщины: - Вы замечательно держитесь, даже завидую. У меня сердце чуть не сбежало, когда узнал.

- У меня были эти дни – время немного привыкнуть, - промокнула она глаза платочком, - и потом – я верю в лучшее, Ольга же боец, все обязательно будет хорошо, и дети тоже так считают. Я велела им не приезжать... как вы думаете? Оля будет недовольна – Ева беременна, ей нельзя нервничать, Вадя пропустит лекции, а помочь не сможет ничем... она спит, просто спит. Кормить ее легко – через зонд, сиделка справляется сама, и с массажем тоже – у нее медицинское образование. Но я не дала вам уйти вот почему – если у вас с Олей любовь... то, наверное, только вы и достучитесь до нее. Я же про... пробовала все эти дни, – всхлипнула-таки она и жалко скривилась: - Простите... Читала ей книги, но не знаю, к сожалению, что она последнее время читает... Стихи, песни тоже не совсем ее тема.

- Она хорошо поет, - возразил Андрей.

- Да! И гитара... Оленька выбрала гитару, а Ларочку мама уговорила на пианино. И голос им с Ларисой ставили по настоянию Шмелевичей... Раиса Яковлевна – мама Лары советовалась со мной, и я тоже была не против, чтобы Оленька

пробовала себя в вещах разных... да и не так это было дорого. А Лара раньше была немного ленива, Ольга работала локомотивом. Ну и ей нравилось тогда...

- А сейчас? – удобнее присел на диване Андрей. Просить разрешения увидеть Ольгу он не стал – уверен был, что та была бы против. А вот узнать о ней еще хоть немного... Да и видно было, что разговор отвлекает женщину, ей было приятно говорить о дочери.

- А чем тогда Оля увлекается по-настоящему, серьезно? Я знаю о ней намного меньше, чем хотелось бы.

- Да серьезно - ничем, пожалуй, - растерялась Ольгина мама, - работой? И еще посещает спортзал, когда находит время. Но раз в неделю - обязательно.

- Фитнесс-клуб? –понимающе уточнил Андрей.

- А? Нет... нет - именно спортзал. Когда-то давно она окончила курсы... или правильнее будет сказать – освоила приемы самообороны. Знаете – часто возвращалась уже по темноте, а Ваня не всегда мог встретить... он и настоял. А потом уже она сама решила, что поддерживать физическую форму, совершенствуя полезный навык, рациональнее, чем просто прыгать по залу в спортивном купальнике.

- Самооборона? Действительно... неожиданно, - улыбался Андрей, вспоминая как решался на крайние меры – зажать невозможную стерву где-нибудь... да в том же кабинете! Скрутить и целовать до тех пор, пока не перестанет дергаться.

- Вероника Павловна... к вопросу о том, чтобы я говорил теперь с Ольгой – сейчас я расскажу вам абсолютно всё о наших с ней отношениях и после этого или дайте мне стоящий совет, или гоните в шею. Но скажу вам сразу – я не отступлюсь. Просто потому, что Ольга точно ко мне равнодушна. Что я ужасно бешу ее – это факт.

Глава 7

У меня ужасный, упрямый, тяжелый характер! Я всегда это знала. Чтобы вытерпеть такой, нужно очень сильно любить – как Ваня или хотя бы, как Лариса.

С ранних лет меня вела по жизни даже не потребность, а чувство... нет - страсть справедливости. Не только по отношению к кому-то или чему-то, а и глобально, всеобъемлюще. Понятно, что жизненной позицией, как рычагом, мир в лучшую сторону не повернуть. Да и сторона эта может оказаться лучшей только по моему разумению - все так. И будь это просто убеждением, а не именно, что потребностью, я даже пыталась бы с этим бороться, потому что отстаивая свою справедливость, я сотни раз лезла в бутылку и резала правду-матку невзирая на личности и авторитеты. Поэтому, скорее всего, и не имею друзей, кроме Лары. А как-то умудрилась высказать даже профессору. Потому что бывая влюбленность влюбленностью, а правда одна.

Я случайно услышала, что каким-то образом были выхлупотаны денежные компенсации блокадникам-евреям. И Бог бы с ними – на здоровье, как говорится, но что-то будто скребло внутри после этой новости и это точно не было завистью к национальной предприимчивости. Потом сообразила - так тошно стало именно потому, что евреев, исключительно на примере семьи Шмелевичей, я уважала.

И на кого было выплеснуть то, что я для себя открыла? Конечно же на яркого представителя, который к тому же оказался на тот момент в доступной близости.

- В блокадном Ленинграде страдали и умирали не только евреи, но и русские, украинцы, белорусы и представители многих других национальностей. И если выделять компенсации *по справедливости*, то уж всем. Если уж вытряхивать с немцев деньги, то для всех. Или – ни для кого.

- А почему бы и остальным не заняться таким же образом и не добиться того же? – пыхтел Шмелевич, - на блюдечке с каемочкой сам никто ничего не принесет.

- Потому что для всех – не получится, это ясно было изначально. А вот делить людей на достойных и недостойных помощи и требовать ее *только для русских* тем же русским *простоне* *пришло бы в голову*. Потому что это несправедливо по отношению к остальным. Все люди должны быть равны перед понятием справедливости. Почему не все это понимают?

- Максимализм, это не совсем и хорошо, Оленька. С такими убеждениями трудно будет жить дальше, - ушел от разговора Шмелевич. И вообще ушел.

- Я не права, Раиса Яковлевна? – перенаправила я вектор силы.

- Почему? Необязательно. Миша, например, думает так же, как и ты, - спокойно ответила Ларкина мама.

- А почему тогда он спорил со мной? – оторопела я.

- Потому что мы привыкли стоять за своих.
- Даже если они неправы?
- По-своему... они могут быть правы.

По-своему, то есть на отличку от других – не евреев? Или как люди, знающие что-то, чего я, к примеру, знать не могу? Этот вопрос мы больше не поднимали, но я осталась при своем.

Странно, но начальству на работе мой максимализм потом не мешал, гипертрофированное чувство справедливости тоже. Может потому, что оно означало честное отношение и к работе в том числе?

Но лично мне ситуации, когда приходилось отстаивать свои принципы, приносили мало хорошего. Потому что, если уж я закусила, то шла до конца независимо от того, какие последствия просматривались еще в зачатке конфликта.

А сейчас я закусила...

Меня в жизни так не унижали!

Никогда в жизни я не чувствовала себя и, что самое ужасное, не была настолько беспомощна! Пускай это были какие-то секунды, но это было время страха, личного позора и паники.

И первый в жизни раз я придержала коней. Меня грубо волокли, а я сопротивлялась, тормозила, подбегала, скулила от боли и судорожно соображала - уязвленная гордость... стоила она того, чтобы Джейн совсем перестала существовать, а я... тоже под большим вопросом?

Но и смиренно войти в дом вот так вот... под взглядом шлюхи и покорно принять условия этого недо-мужика для меня было смерти подобно. Нет – хуже! И наверняка кто-то мудрее (даже знаю – кто) советовал бы даже в этой ситуации искать для себя выгоду, найти и разумно ею воспользоваться. Согласна. Разумом. Но всей натурой своей! Ведь за каким-то же хреном закинули сюда именно меня? Значит это буду я.

Прости меня, Дженни...

Я никогда не занималась боевыми единоборствами профессионально, но в свое время прошла курс самообороны. И потом годами поддерживала владение навыками – мало ли? А важен здесь именно навык, закреплённый на подкорке способ и порядок действий – даже не физическая сила! Ее приложение может быть средненьким и даже минимальным. Главное – грамотным. А еще неожиданным.

Когда применяют захват за волосы, ты полностью во власти противника. Но и тогда способы есть... Двумя руками захватить его запястье, чтобы уменьшить контроль над собой... Рвануть мизинец, выворачивая его до хруста!

Ризли споткнулся и хрипло зарычал, выпуская меня. Та самая секунда, чтобы бежать... куда? А вот повернуть взывавшему мужику руку! И захват за шею второй – насколько есть сил! И точка эта... пережать сонную артерию, удержать секунды, судорожно цепляясь ногами... юбка же, мать ее! И слабые, нетренированные мышцы Джейн. Я висела на нем обезьяной, не давая сбросить себя, а Ризли бился, пытаюсь

вдохнуть и вырваться, но его рука... и моя...

Падаем! И выдыхаем... дышим, дышим, Ольга! Руку свело судорогой... я душила его.

Осознание - лавиной паники... Не хочу - убийцей!

И то ли усилием воли, то ли просто наступил предел, но мышцы отпустило. Прикрыв веки, я успокаивала дыхание, провожая боль. В груди клокотало, в ушах стоял тошнотворный гул, перед глазами расплывалось. Руки упали, тяжелые, будто гири, а пальцы подрагивали, дрожало все тело.

И тут он шевельнулся. Здоровый, собачина...

И от страха, может... но почти не осознавая и не понимая потом - как смогла... Стоя на коленях и качаясь, я приложила его башкой о каменную ступеньку. И без сил рухнула рядом, потрясенно глядя на дело рук своих. Ничего... ничего - максимум сотряс и вряд ли сильно. Откуда там? Я же, как кисель...

Отдышалась. И огляделась, наконец, покрываясь мурашками от мысли... но вокруг - никого. Не было никого...

Перевернув тело, стянула мужские запястья за спиной своим поясом. Зачем он вообще нужен? Витой красно-золотистый шнур провисал на талии свободно и даже карман, закрепленный на нем, был пуст.

Теперь ноги... прямо поверх сапог уже его поясом. Только снять длинный кинжал с навершием в виде двух круглых бусек. Он носил его на поясе странно, как и все мужики здесь - не сбоку, а спереди, чтобы болталось между ног. Условно

компенсируют таким образом?

Присев рядышком с телом, я вытерла пот со лба и слезы с глаз. Посидела, раскачиваясь всем телом... Когда в голове совсем прояснилось и ушло общее нервно-приподнятое настроение, еще раз внимательно рассмотрела мужа Джейн, получая при этом щедрую моральную компенсацию. Да, я взяла реванш. И отгребу за это по-полной – безусловно. И все-таки удовлетворение было, но было оно неполным. И не только от страха за себя.

Привычные мерки здесь не работали и первое впечатление о человеке оказалось ошибочным. И от этого было грустно, в том числе и за Ризли. Со мной-то все ясно - виновата сама. А может и нет. Указали бы цель, да хоть намекнули, и я строила бы линию поведения соответственно. Может даже жертвуя при этом своими принципами и гордостью - ради чего-то все-таки, а не на забаву челяди. Уговорила бы себя как-то... оправдывая уступку хотя бы и той же военной хитростью. А так...

А вот за Томаса Ризли действительно обидно. Особенно если помнить его предыдущие поступки в отношении меня – нормальные мужские поступки. И нормальное, ровное отношение. Без особого трепета и нежностей, но и без мстительной ненависти, даже с заботой. Но вот потом?! Вроде нормальный же, взрослый уже мужик и должен быть если не умным, то хотя бы опытным... но с-сука же какая! Что же он творит?!

И я в жизни столько не ругалась, как из-за него!

Шмелевичи не выражались, мама категорически - тоже, все-таки потомственный педагог и коренная петербурженка. Максимум негатива, что я слышала от нее, это «какая дерзость!». Я честно завидовала ей... глубинные питерские корни подо мной слегка подзавяли. Не материлась – это нет, но грубые выражения иногда позволяла себе. Отец? Мы редко виделись. Уже больше десяти лет он сидел на нашей даче, куда совсем переселился сразу же, как только они с мамой ее купили. Развод не просил, бабу туда себе не привел... заработанные деньги в семью давать, правда, перестал, но и на квартиру не претендовал. Я навещала его к нему туда и на работу тоже - хотелось и тут спокойствия. Жив, здоров - хорошо. Говорить особо нам было и не о чем... он сам держался отстраненно, хотя и ровно. Как всегда.

И еще задолго до этого переселения воспитание его дочери, по факту, взял на себя профессор истории и археологии. Мы с Ларисой были поздними, выстрадавшими детьми, которым дают, что только могут - по максимуму, и с умом. И почти все то, что вкладывалось в Ларкину голову, мотала на ус и я. А отец ее говорил:

- Нужно помнить, что «вначале было слово...» А значит оно важно. И словом этим можно как излечить себя, так и погубить. Коллеги... а я имею в виду биологов, провели достаточное количество серьезных экспериментов, изучая воздействие благодарных слов и молитв и соответственно - ру-

гани, на различные объекты. И поверьте мне на слово – не нужно. Просто не нужно. Потому что и кроме нас самих есть много желающих сделать нам гадость.

- Виновата... Что ж я – добра себе не желаю? И Дженьке. Но что не ругнусь больше - клясться не стану, - шмыгала я носом, греясь в лучах ласкового закатного солнца.

Красота же вокруг какая! Что ж людям не живется в ней мирно, уважая и оберегая друг друга? Почему они ведут себя, как бешеные псы? Покусать, обидеть, оскорбить, отнять, унижить... Из года в год, из века в век!

- С-собака страшная! – пнула я мужика в бок.

То, что я сделала, означало полный капец (по Вадьке) – нужно признать это. Такого не прощают. Никому.

И больше того – брат и сестра, которые не могли не наблюдать наш семейный междусобойчик, куда-то исчезли. Будь это просто слуги, сказала бы, что они не смеют вмешиваться в личные разборки хозяев. Но здесь другое... Адер Бигли тварь еще та. Это восприятие Джейн илихватило коротких мгновений нашего с ним общения, но мнение о нем уже сложилось. Уверена - он обязательно воспользуется ситуацией. Дураком не выглядел ни разу – взгляд злой и умный. А вот человеком, еще раньше задумавшим, а может и приготовившим уже откровенную гадость, как раз и выглядел. И тут нужно думать – как именно он может навредить?

Скорее всего, здесь этой парочки уже нет... размышляла я. В доме всегда есть второй выход или они ушли сразу... я

не знала, но сейчас, наверное, уже спешат в ту самую деревню, куда в сердцах послал Адера хозяин. А там те мужики – его слуги. А здесь я – покусившаяся на святое. Понятно, что сразу будут шить покушение на убийство – чего мелочиться?

Адер Бигли мог остановить меня в любой момент – стукнуть, к примеру, сзади, пока я была занята исключительно «мужем» и в ярости своей света белого не видела. Но он не стал... Масштаб моего проступка был бы уже не тот, и Ризли мог реагировать на него, как ему в голову взбредет. А жена то ли дорога ему, то ли выгодна – терпелив он с ней... и даже в моем исполнении, просто до крайности. Могло и обойтись... даже в живых оставил бы, примерно наказав, само собой. Теперь же вынужден будет действовать с учетом того, что новость ушла в массы. И в этом разе я точно не отделаюсь простой поркой или домашним арестом... как тут у них? Теперь – только максимально жестко, это понятно.

А слабая женщина, уложившая взрослого мужика, понятное дело – ведьма. Подозревали же в чем-то таком? Но не доглядели монахи – бывает. Да они в основном вообще не по этой части, а больше по спасению собственных душ. Качественно покопаться в чужих, это уже дело инквизиции, а в средневековой Англии, где ее не было – мировых властей. Что судьбы обвиненной в ведьмовстве женщины сильно не меняло. Здесь не сжигали ведьм – умереть на костре было прерогативой изменников. Ведьм, доказав их вину, вешали, но перед этим всё установленным порядком, как и положено

– допросы, пытки, испытания...

И что в этом конкретном случае может спасти нас с Джейн? А ничего, похоже. Кроме разве что вот этого вот... - пнула еще разок. Он слабо застонал, под веками шевельнулись глазные яблоки. Сейчас, когда от него не фонило той бешеной животной энергетикой, аурой тяжелой не давило, властностью этой пресловутой не перло... вполне нормально он выглядел - как обычный человек, а не исчадие ада.

Так что - будем договариваться?

Хотя бы попытаюсь, засунув в одно место и гордость свою, и принципы – уже достаточно потрясла ими. Да и инстинкт самосохранения заложен в человека самой природой - рано или поздно срабатывает. В моем случае с опозданием, но попытка - не пытка, так же? Выясню заодно насколько оно зло. Просто дурак или поддается разумному убеждению? А выхода из любой ситуации всегда минимум два - обязательно.

- Господин муж наш, вы уже пришли в себя? – тихо поинтересовалась я, рассматривая холодное оружие в своих руках. С ним было как-то спокойнее.

- ... а то у нас с вами не так много времени.

- Джейн, - простонал он то ли в бреду, то ли не воспринимая еще толком действительности.

Джейн... а ведь есть такой вид нервного расстройства - раздвоение личности. Медицинское название сложно вспомнить... Да и неважно!

А почему, собственно, медики считают его психическим

заболеванием? Что, если чужой голос, личность, чужие чувства и эмоции в голове - случаи, подобные нашему? Что, если такая, как и я, неприкаянная душа случайно или с непонятным для нее самой умыслом внедрена в адекватный до сих пор мозг, потеснив психику донора и забирая контроль над телом? Вот так... а человека, не разобравшись, пакуют, запирают и пичкают препаратами, превращающими его то ли в растение, то ли в настоящего уже психа.

Только церковь и признает, что чужое сознание, вернее - другая личность, бывает, вдруг вселяется в человека. И считает это происками дьявола, злым духом. Вполне... я вот точно злая.

Глава 8

Судя по тому, как сдерживает дыхание, он уже очнулся. Сейчас вспоминает о том, что случилось и напряженно соображает, ориентируясь заново.

- Кто ты такая? – тихо рыкнув, мужчина поморщился, осторожно кашлянул и открыл, наконец, глаза.

- Обращайтесь на «вы», пожалуйста. Принятых в общении условностей никто не отменял, - насколько могла спокойно и даже вежливо ответила я.

Он молчал, буквально пронзая меня взглядом. Насквозь. А я терпеливо ждала, я вообще терпелива если мне это нужно. Поколачивало на нерве, конечно... но показывать этого не стоило. Подожду. Диалог дело такое – обоюдное и добровольное.

- Кто *вы* такая... миледи? – трудно выдавил он из себя. Приходится ломать свою гордость, это понятно. Мне понятно, как никому другому - после того, как отомстила за свою.

Мысленно кивнула - нет, не дурак. А значит скот и зло. Но может не безусловное и не совсем безнадежное? Я почти физически, будто каждым своим нервом ощущала, как время катастрофически быстро уходило вместе с солнцем... Нужно спешить, то есть разговор сразу должен быть предельно откровенным.

Выдавать себя за его жену у меня не получилось бы при

всем желании, это нужно было сообразить сразу. Даже если бы догадалась беспомощно-трогательно спросить – что мне делать с тем, что я ничего не помню?

Конечно, можно было молчать, слушаться «мужа» и заодно присматриваться. Но это путь в никуда, без смысла... нет – смысл был бы в том, чтобы сохранить жизнь. Но я не так и дорожила ею – здесь. Учитывая то, что там она, похоже, прекратилась. Но и вот это настолько не моё... терять нечего, значит откровенность по максимуму.

- Я не тварь из леса, а обычный человек, женщина. И, наверное, это высшие силы послали меня, чтобы помочь вашей жене выжить, сберечь ее в том лесу или от другого зла. Других объяснений у меня нет. Может меня выбрали потому, что при жизни я была старше и опытнее? Ой! – усмехнулась, заметив, как напрягся мужчина: - Не нужно думать совсем плохо – может я и не очень добрая, но точно не злой дух и намеренно тело вашей жены не узурпировала. Она где-то здесь – я чувствовала ее эмоции... то есть чувства, - уточнила на всякий случай – мало ли... вдруг словарь понятий этого времени до нашего еще не дотягивает.

- Я уверена – в какой-то момент все станет на свои места, я уйду будто и не было, а Дженни вернется, когда почувствует себя в безопасности. Так что, таская за волосы меня, вы делали больно и ей. Я-то к ней милосердна... буду и дальше. Если вы позволите, то помогу и уйду себе.

- Как именно вы ей поможете? – каркнул «муж».

- Избавлю от вашей любовницы и ее брата, который смотрел на нее, как на личную жертву?

- Я уже объяснял необходимость... - неохотно выдавливал он слова. Не привык оправдываться, мужчины вообще этого не любят.

- Объясните тогда и мне, будьте добры, - перебила я. Потому что – время!

Но он долго смотрел на меня, а потом просто отвернулся. Промолчал.

- Понимаете, этот... Адер, - решила я временно отпустить обиды и попробовать еще раз – слишком многое стояло на кону: - Он вместе с вашей шлюхой...

- Она была девственна! - каркнул опять «муж», - а с ее братом заключена сделка.

- На счет девственности... при необходимости женщины умеют решить ее вопрос, вкладывая внутрь себя хрупкую емкость с... куриной, к примеру, кровью. Нет, может она и правда хранила девственность, чтобы выгодно ее продать. Но продают себя именно шлюхи, так что вы не правы, а я права, называя ее так. И главное - жена ваша с этой сделкой не была согласна, раз бежала с риском для жизни. Лес, как я поняла - опасен. Любила вас? – заглянула я ему в глаза, - зачем вы приволокли шлюху в семью? Нельзя было пощадить чувства жены? Так трудно проехать в ту же деревню, чтобы там по...шалить, не делая больно родному человеку? Или не родному? Все дело в этом, и вы это нарочно... такой оголте-

лый моральный садизм? Ненавидели ее так сильно? Дженни что – была настолько плохим человеком, женой... не отвечала вашим запросам в близости? Была неумела, боялась ее, не хотела или...

«Муж» смотрел на меня, как на что-то странно-удивительное, а еще, похоже, и малость придурковатое в его глазах. Медленно, будто с усилием, отвернулся. Видно было, что пытается освободить руки. Но я старалась, связывая его и опять постараюсь. Убедить.

- Понимаете... вы, конечно, можете молчать и дальше, но сейчас сюда примчится ваш отряд – те мужчины, что были с вами. Адер кинулся, похоже, за ними, за помощью против меня. Как вы считаете – что дальше? Он видел, как я применила к вам... со стороны могло казаться - силу. Но это просто умение, навык - болевой прием, механическое пережатие сонной артерии. Да и это получилось почти случайно. Вы сильнее физически и вырывались, нащупать ее было почти невозможно. И это нервный подъем был или страх, но мне буквально свело судорогой руку, сделав усилие... чрезмерным, полноценным. И придержи я так чуть дольше, вы могли умереть, но я вовремя опомнилась, да и цели такой – убить вас, не было. Поймите - я вынуждена была защищаться! Вы вели себя не как мужчина, подняли руку на слабую женщину.

- Слабую! – рыкнул он, морщась.

- Да. В прямом поединке мне вас не одолеть. Просто вы

не ожидали такого от Дженни, сработала неожиданность. Но и это сейчас не самое важное – сюда уже едут люди чтобы убивать ее.

- Глупость! Никто не посмеет меня послушаться, – уверенно заключил он.

- А если все же посмеют? Адер за что-то люто ненавидит вашу жену, я уверена, что он уже наговорил о ней там – в деревне, много нехорошего – что ведьма, к примеру. Или посягнула на вашу жизнь. Слухи будут шириться, даже если вы сейчас отошлете своих людей обратно, да тот же Адер понесет их дальше. И за меня примутся местные власти.

- Я в состоянии решить и это, и даже больше.. Даже если дойдет до короля! Перед вами юрист, миледи! - отрезал он.

Он правда думал, что сможет отмазать меня от властной инерционной машины, которая ничем почти не лучше инквизиции? И при наличии заинтересованных свидетелей? Мелкий дворянчик с пятеркой слуг в заглазнике и старым домом в лесу? Да ладно!

Если бы ничего об этом не знала, может и поверила бы. Но историей я по известной причине интересовалась. Пусть и поверхностно, но кое-что знала. Например, о том, что церковной инквизиции здесь не было. Англия всегда была отдельным от Европы государством и в этом вопросе тоже. Но это не значило, что здесь не было религиозных гонений, хотя они и не отличались таким размахом, как на континенте. Но "ведьм" исправно вешали и пытали и здесь тоже.

Пускай простит меня Дженни, но живой в руки им я не дамся. А это выход! Выход... заторможено, будто под гипнозом, провела я пальцем вдоль лезвия клинка и дернулась.

- Ай... бритва!

- Прекратите! – вскинулся наш муж и тут же заревел: - Развяжите немедленно! Вы останетесь живы, я обещаю.

- Жива - этого слишком мало, – держала я резанный палец во рту, стараясь чтобы зубы не стучали слишком громко: - До сих пор кожа на голове болит. Мне стыдно за вас, смотрю и испытываю стыд. Чувство глубокого смущения за действия другого человека, это называется «испанский» стыд, - объясняла я непонятно зачем. Или понятно. Наш с ним разговор... пусть это просто иллюзия открытого общения, но сейчас она делала меня не такой одинокой: - А жену вашу мне откровенно жаль – смертельно не повезло ей с вами... защитить её и помочь совсем некому и это при живом муже.

- Развяжите! Дайте Библию и я поклянусь! Я *уже* клянусь - вы отделаетесь самым малым наказанием! - дергался мужик.

- И вы отпустите Джейн, дадите развод, - подсказала я ему.

- И куда вы пойдете?! – заорал он, выпучив глаза: - В дом Чейни, где не смели даже взгляда поднять? Где вас днями морили голодом в наказание за детские проступки? Да вас сгноят где-нибудь на ферме! Или отдадут старику без носа - Умфравиллю. Или вы - к своему нищему горбатому брату, от которого все отвернулись?!

- Горбатому? – забеспокоилась я. Может ему нужна по-

мощь? Может именно к нему она и направлялась?

- И нищему! Я спас вас... спас Джейн, дал ей дом, защиту...

- Шлюху свою не забудьте, - подсказала я ему. Но хоть как-то объяснять этот факт он не собирался.

Боковым зрением вдруг отметила вспышку, солнечный сполох – прощальный луч прорвался сквозь высокие деревья на той стороне реки, еще раз отразившись в частых стеклах. Солнце стремилось к закату... А дом красивый, очень красивый. Окна бы чуть больше, а то и в пол...

Время уходило.

- Аннет ваша может жить в деревне, - судорожно пыталась я нащупать компромисс. Вдруг для его жены, как женщины этой эпохи, такой уступки будет достаточно? И национальный, и временной менталитет у нас с ней может отличаться абсолютно. Я же сужу о ее намерениях только по побегу, а тут новая информация – брат... да может быть все, что угодно! И если бы муж пошел навстречу, прислушался – это уже много. Если и правда родители - монстры, а в доме брата ужасная нищета? Многие и в наше время выбирают достаток, даже если их мужья не скрывают своих походов.

- Я приму лучшее из возможных решений, - обещал мужчина, но как-то отстраненно, будто настороженно прислушиваясь.

И я тоже слышала - конский топот. Далеко еще и сколько-то еще можно пожить... сжалось все внутри в больной ко-

мок. Но перед глазами вставали все эти потопления, дыбы, испанские сапоги, натертые мылом петли... Время ушло, решение нужно принимать немедленно. Сто грамм бы на дорожку - чисто для храбрости.

- Освободите руки! Я обязательно спасу вас, клянусь! Слово дворянина! Если вы слышали нас тогда... мне пожаловано баронство, – продолжал настаивать «муж», глядя на меня будто бы даже с беспокойством. Может не так и плохо он относился к Дженни? Я ведь уже думала в эту сторону, но...

- Трудно верить вам, уж простите... Тот самый случай, когда поверить очень хочется, но невозможно... - бормотала я, все еще оттягивая решение: - Я боюсь не смерти, а унижения от вас - опять... я не заслужила *любого* наказания, даже самого малого и не приму его. А еще я не хочу пыток и боли... Отказываюсь! - решившись, встала я и осмотрелась вокруг, вбирая в себя последние краски этого мира... времени, жизни. Может, будь времени хоть на грамульку больше, мы и смогли бы договориться. Но его уже нет.

Из-за деревьев на той стороне реки вырвались всадники. И в этом яростном стремлении отряда к нам, в спешке этой я видела только подтверждение угрозы для себя. Еще одно доказательство.

Судорожно вздохнув, подняла клинок и развернула острием к себе, прикидывая куда вогнать его так, чтобы сразу... без мук умирания. В сердце могла не попасть или не

достать до него - руки слабоваты. Ключичная впадинка? Помучусь, но что уж...? Значит, нужно держать выше...

- Не смейте решать за нее! – отчаянно прорычал муж, дергаясь всем телом и сползая с каменных ступеней мне под ноги.

- Сама не хочу - верите? - то ли смеялась, то ли рыдала я - клокотало в груди: - Но вынужденно посмею! У меня есть право избавить ее и себя от мук. Даже вы – кто должен был защищать, делали ей больно.

- Не ей! - рычал и ворочался он, пытаясь освободиться.

- Мне, - согласилась я, - но слишком легко у вас поднялась рука.

Хотя чего я его воспитываю? Может он регулярно таскал ее за волосы, от того и бежала.

- Но я честно пыталась договориться с вами даже после этого.

- Мы непременно договоримся! Леди... Джейн! Распутайте меня!

- Не успею, да и... вы легко отдадите меня. Джейн не нужна вам, иначе не было бы Аннет.

Сделав шаг назад, шагнула еще раз и еще, потому что он полз за мной. Извиваясь, как червяк, полз и рычал... почти привычно уже, кстати.

То, что со мной происходило... это не смелость принять отчаянное решение - это просто страх. Сильный, обоснованный разумом страх тоже имеет огромную, отчаянную силу.

И моя жизнь здесь, этот мир... ну не взаправду же оно? Так не бывает! Это просто сон, затянувшийся кошмар... про-иски уставшего от одиночества, разочарованного сознания. Все бессмысленно, если не с кем переплести пальцы... Если знать, что никто и никогда больше не пощекочет горячим дыханием тебя за ушком, не поцелует венку на твоём запястье так, будто в ней пульсирует королевская кровь... Которая опять отдаёт сейчас болью, ядом расплываясь по всему телу.

Нет... умирать не страшно, страшно повторять для себя каждый раз, как проснешься - "его больше нет, он умер" и продолжать жить - для других... своих близких, не для себя. Нет... уж лучше я - обратно к ним, в этом хоть какой-то смысл. А если даже в дурку, то там – у себя. Там я знаю, что делать, там я наизнанку вывернусь, но сделаю, как нужно мне, а здесь... Ненормальный же мир - дурацкий, шутоватый, бутафорский, а ещё ужасно жестокий к нам с Дженни. Никого же рядом!

Уши будто заложило, слов я уже не слышала или просто не воспринимала. Время замедлилось, будто какой-то частью своей я была уже не здесь. Хрен вам, ребята, а не я...

Вынесла перед собой руки с зажатым в них кинжалом... дрожало внутри. Да нет – вся я дрожала: внутренности, губы, руки... Сколько ещё дней или даже часов реально продержаться в таком режиме?

И все равно - сейчас не факт... что смогу и решусь - не

факт.

Всадники ворвались на мост...

Глава 9

Зеркало казалось каким-то мутным, желтоватым, что ли? И в пятнышках, в темных крапинах в тех местах, где осыпалась амальгама. Старое даже здесь... Всплыли в памяти стихи:

Зеркала с желтоватым оттенком

Отражали меха и шелка,

Господин, заглянувший в них мельком,

Был спокоен и бледен слегка.

Он глазами искал отражение

Выраженья единственных черт,

Не найдя, отвернулся в смятении:

"Нет надежды... опять ее нет..."

Моя жизнь после смерти оказалась какой-то дичью и дурью, причем чем дальше, тем больше я в этом убеждалась. События нарастали, как снежный ком, а я вынуждено барахталась в них... барахталась в чужой жизни, чужих мелочных

и ненужных мне проблемах. Глупо дала втянуть себя в них, не понимая абсолютно ничего в происходящем вокруг. Не понимала я и вот этого...

Черты Джейн Ризли были изящны и прелестны. Не славянские - почти неуловимо, но так... явно другой типаж. Нежное узкое лицо, высокий лоб, большие «туманные» глаза... серо-голубые. Густые тонкие брови чуть темнее, чем рыжеватые косы. Тонкий нос с плавной горбинкой и причудливого рисунка губы - нижняя чуть крупновата и бантиком так... Сейчас они были сухими, искушенные мною на нервах. Но девушку... вернее – молодую женщину это совершенно не портило. И еще... будто и не похожа, но чем-то неуловимо напоминает принцессу Милисенту из известного фильма. Не писанная красавица, но в честь таких - изысканных, особенных, как раз и слагают баллады и вирши, совершают безумства и на руках их носят, от сквозняков оберегают, а не то, чтобы...

Мы с ней похожи, как свинья на коня, общее - только принадлежность к женскому полу. Она полный антипод мне той, но Вселенная в очередной раз пошутила и теперь это я, умом своим и сознанием взрослая в общем-то тетка и бывалая мать. И кукухой при этом я не поехала, как сказал бы Вадя.

Образ прелестной девы, как на меня, был так себе... непривычный, не мой. Но разочарована я была не внешне, а тем, что опять не угадала. Ожидала увидеть страш-

ленькую девочку, которой муж нашел аппетитную замену. Но с приключениями сняв с себя странное сооружение, в общей сборке выглядевшее, как платье, обнаружила несоответствие и здесь. Да, все довольно скромно-небогато, а еще имеет место свалывшаяся кудель на причинном месте, опрелости по телу и даже расчесы. Я все это чувствовала, мучилась, потому и рвалась мыться. И вымоюсь, речь не о том - всё, женщине полагающееся и неплохой при этом формы было на местах... и очень даже к месту. И теперь, по факту осмотра, вопрос становился совсем не риторическим – а что еще ему нужно-то было?

Но кто их поймет? Гуляют и от красивых, и от умных, и от темпераментных. Попала вожжа под хвост – он заржал и понесся, часто сам потом не в состоянии внятно объяснить – чего тебе, убогий, не хватало-то? Как первый Ларкин муж. Просился потом обратно, умолял простить и ведь раскаивался искренне, не по-детски – это было видно и понятно даже мне, но... «забыть твой вояж в чужую *** не смогу, извини. Уверена – найдется человек, который оценит меня по достоинству». Переболела, переплакала, хорошо – имелся крепкий тыл. Со временем и человек нашелся. А через год опять развод по той же причине. И наши с Ларисой посиделки с вином, отвлекающие игры-настошки, разговоры по душам.

- Мама сватает мне нашего. И внешне приятного, и довольно обеспеченного надо признать, - задумчиво рассуждала подруга, - и я знаю, что она права – у меня дети, а для се-

мьи нет мужчин лучше евреев. Они сто раз подумают и про-
считают – а стоит оно того? Как правило, не стоит - тех же
нервов, что не восстанавливаются ну и... разных прочих рис-
ков. И даже если шлятся, то жена гарантировано об этом не
узнает, потому что умно шлятся. Это все хорошо, но брак
совсем без любви, Оль? А если и секс он не потянет? Проте-
стировать его, что ли, еще на дальних подступах? Печально
все... Но вопрос я рассматриваю, в чем тут дело? Налюби-
лась уже, похоже...

Виски тянуло, голова не просто болела – раскалывалась. Я
осторожно повела шеей, рассматривая перед зеркалом при-
ческу и пытаюсь понять принцип ее сооружения. И отложила
это дело на потом, хотя кожа под волосами чесалась и зуде-
ла. Найду воду и как-нибудь расплету, чтобы вымыть, куда
денусь?

Судя по освещению, почти сутки я проспала, не снимая
платья и даже туфель, не говоря уже о том, чтобы разобрать
волосы. Накрыло откатом – понятно. Дикое, сумасшедшее
решение, огромное усилие воли, отрешенность эта не про-
шли даром – что-то сломалось внутри или погнулось, требуя
починки или просто отдыха и покоя.

После ухода Вани я и так чувствовала себя эмоциональ-
ным тормозом. Состояние тупо прущего по жизни локомо-
тива под названием «вижу цель – не вижу препятствий» ощу-
щалось нормальным. Я действительно их не видела, дей-
ствуя, как машина - по заданному... Все, что не касалось мо-

ей семьи и Ларки, их интересов, и не волновало, и не препятствовало. Здесь же я будто сдулась окончательно. Все это скопом... не потянула, скажем так. Хорошо хоть в состоянии сделать такой вывод и осознать. И как сбросил меня на кровать «муж», так я и провалилась куда-то. Вставала с трудом – руку отлежала, мочевого разрывался, голова пустая, чувств и эмоций – вообще ноль. Звонящая пустота в мозгах и груди. И слабость запредельная, разбитость... может потому и думать трудно, особенно о том, что не успела сделать. И о том, чем все закончилось и закончилось ли?

А еще, только придя в себя после сна, я стала привычно шарить рукой в поисках смартфона. Не открывая глаз и привычно свесив руку с кровати. Упорные мамины вбросы о вредном излучении в какой-то момент достигли цели. Это, как о религии – а вдруг правда? И я стала класть свой гаджет в изголовье кровати, на пол.

Когда уходят такие привычки, через какое время? А основная в наше время - инфо-зависимость. У меня она не развилась в номофобию, я четко обозначила для себя места и даже время пользования смартфоном. Для связи, звонков использовала исключительно кнопочник, но если возникала необходимость вытащить информацию - буквально любую... Здесь ты чувствуешь себя царем и Богом - тебе доступно все! От этого трудно, буквально невозможно уже отказаться... сейчас я дала бы палец себе отрубить за возможность узнать как можно больше об этой эпохе. Недоступная воз-

можность чувствовалась почти болезненной тягой... а у меня много других привычек, кроме этой - важных и не очень. В таких мелочах – вся наша жизнь. И я буду бороться за каждую из тех, что здесь доступны, раз уж оставил жить... если придется, то и с ним в том числе.

Хотя сейчас будто бы забрезжила надежда договориться...

Непонятно – как, но он освободил руки, как-то сумел сделать это и, сбив меня с ног, вырвал кинжал. Сейчас не было ни сил, ни желания разбираться - я это затянула и тормозила, все не решаясь, или он оказался слишком быстрым, хотя ему порядком досталось? Когда отряд спешил, «муж», навалившись на меня всем телом, целовал взасос прямо там, на камнях подъездной дорожки. А я в том состоянии... сейчас не могла даже вспомнить, что чувствовала тогда. Ступор?

Такое вот живописное зрелище наблюдал и Адер Бигли – «страсть одолела супругов внезапно». Животная, непереносимая, требующая немедленного удовлетворения.

Тогда я не только плохо соображала, но и слышала будто через стену тумана - что там «муж» рычал своим приближенным? Плохо помнилось даже то, в какой момент он подхватил меня на руки и унес в дом. Но сейчас понимала причину инсценировки – мужик сдержал слово. Обещал спасти и спас, отмазал. Брачные игры – только и всего, ничего же такого, ребят, с кем не бывает?

Какого черта я уперлась тогда и категорически отказыва-

лась ему верить? А с какой стати? Потому что хотелось? Не могла и не верила. Доверие штука сложная. Но у него вышло - красиво, умно, результативно.

Но вот насколько? А Аннет? Она останется здесь? Я не понимала его отношения к жене – абсолютно. Выглядело все как-то... взаимоисключающе.

Я странно себя чувствовала – хотелось добиться хоть какой-то справедливости даже здесь, в этой нереальности и тут же я поражалась – насколько мелкой и даже мелочной выглядела цель моего попадания. Должна же она быть? Почему-то же именно я, и по этому адресу? А тут... измены, обиды, любовницы. Стоило оно даже просто того, чтобы трепать нервы? Или на что-то большее... на серьезные дела и судьбоносные поступки меня не считают годной? И даже если я выторгую у мужа Джейн свободу для нее или приемлемые условия их существования вместе, все равно – действительный смысл моего попадания сюда не угадывался. А я прожила достаточно, чтобы понимать, что функциональный смысл имеет каждое событие и действие и смысл этот в конечном результате. Здесь же он даже в самой радужной перспективе выглядел мелко, сама идея не вдохновляла, перспективы не радовали.

Громкие, ровные шаги за дверью заставили вздрогнуть. Хозяйские такие шаги, уверенные. Мимо... прошел мимо – выдохнула с облегчением. Мне нужно совсем немножко времени - подумать.

Наверное... перезагружаемся? Все, что было до сих пор, делалось мною неправильно. Растерялась. И даже не стыдно за это, потому что ситуация ненормальная. Это не прогнозируемо в принципе – как среагирует в стрессе отдельный человек. А тут стресс в энной степени. Так что комплексовать точно не стоило - так вышло и все!

Плохо то, что в голову пришла идея суицида. И неважно, что чувствовала я себя при этом на поле боя, между пленом и смертью выбирая последнее. И не психолог я, но... даже сто раз оправданный и объясненный, это звоночек... это, как доза, на которую может потом потянуть в трудный момент. Ведь способа проще, чтобы решить нерешаемую на первый взгляд проблему, нет. И возникни она в будущем, решиться уйти от нее почти знакомым уже путем будет легче в разы. Вероятность повторения попытки очень высока... Правда, имеет ли при этом значение психотип человека и мотивация, я не знала. Хотелось бы сравнивать себя вчерашнюю не с психопатом, а хотя бы со зверем, попавшим в капкан и отгрызающим себе лапу, а вот как оно на самом деле - что там творится в этой голове?

А Томас Ризли... в моих глазах он опять имел право на имя, раз оказался не шутком в пышных штанишках, набитых то ли конским волосом, то ли ватой, а человеком, который не дал мне совершить глупость. Но главное – мужчина сдержал вынужденно данное в унижительной для него ситуации слово, а это поступок. А значит, он не совсем и равнодушен

к Дженни, что было отмечено мною раньше и благополучно забыто.

Все это заставляло взять себя в руки и попытаться понять и его тоже... да просто подключить наконец ум, отодвинув в сторону свои принципы, которые в этом времени могут выглядеть глупо. А для этого исключить тупо женскую солидарность. А дальше видно будет.

Нужен разговор. Может и он пойдет мне навстречу, на свете случались и не такие чудеса. Вот только получится ли? Он раздражен сейчас, я на нервах... Будем пробовать, но по любому разговаривать нужно не в нижней рубашке.

Я осмотрелась внимательнее – в небольшой комнате со стенами в деревянных панелях большую часть занимала кровать, укутанная с трех сторон плотным балдахином из темной ткани с неброским золотистым узором. Смятое мною покрывало выглядело богаче, затканное то ли жар-птицами, то ли павлинами. На нем я разложила части с трудом снятого платья – две юбки, подобие жилета с острым мыском спереди и шнуровкой, и рукава – всё отдельно. И еще то, что ужасно мешало все это время – плотный валик, набитый ватой или тряпками, который крепился к талии веревочками, поднимая и увеличивая зад раза в два. Я еще раньше хотела убрать его, но тогда подол стал бы слишком длинным и волокся по земле.

Вдоль стены, противоположной окну, выстроился ряд сундуков. Вздыхнув, приступила к изучению содержимого,

пока позволяло и так слабенькое освещение. Оконные стекла смотрелись то ли мутными, то ли грязными, окна были небольшими, комната - тесной.

Только через час, не меньше по ощущениям, я смогла сказать, что уже одета. Отвлеклась заодно от переживаний – изучать наряды оказалось интересно. А нужно было спешить, наступали сумерки. Но я многое успела – разглядеть, например, что рукава или красиво шнуровались к тесным жилетам с большим декольте приблизительно одной и той же формы, или, если наряд был из ткани попроще, просто вязались к нему ленточками. Не догадались, что подмышку можно вшить ластовицу и так оставляли себе свободу движений? Но, однако же, до объемной ластовицы на причинном месте у мужчин додумались. Или это просто элемент декора? Мягко намекающий на твердые обстоятельства...

Вспомнилось простое платье, в которое была одета Аннет и ее передник - длинная полоска ткани с круглой дырой для головы, прихваченная яркими ленточками по бокам. Проще Дженькиных бархатов, но явно удобнее в разы.

В темный тесноватый коридор я вышла в самом простом наряде, который только нашла – подобии домашнего халата с меховым воротником из шкурки неизвестной живности и свежей рубашке под ним, которая ощущения чистоты не давала. Срочно нужно было вымыться – тело не просто неприятно пахло, оно еще и жутко чесалось. И нужно было узнать куда здесь выносят горшок - тяжелый, керамический.

Аннет была уже здесь.

Звуки, которые неслись из одной из комнат, нельзя было истолковать как-то иначе, спутать с чем-то другим. И... меня разом накрыло чем-то непроницаемо-дурным и непередаваемо-темным, похерив все разумные намерения.

Это не было ревностью – с чего? С моей стороны - странно бы. Но тихое отчаяние, которое поднималось откуда-то изнутри, отголосок разочарования и чужой боли – не иначе.... заставило сцепить зубы и толкнуть дверь. Не заперто...

На высокой кровати «муж», который опять потерял в моих глазах и не имел больше права даже на имя, не то что звание джентльмена, имел любовницу в миссионерской позе, работая при этом, как механический поршень – ровно и размеренно. Девушка уцепилась за его плечи и с каждым движением мелодично повизгивала. Такой слаженный, сработанный тандем...

- Кхм... – подала я голос, - закончите здесь – найдите, пожалуйста, время для разговора со мной.

Ошалевший взгляд мужика наливался яростью. Таким только корабли топить. За порог я шагнула под хриплый возмущенный рык, дверь за собой аккуратно прикрыла. Вот же... незамысловатая какая, непробиваемая скотина – даже удивительно.

Было слегка неловко - не за себя, Боже упаси! И странно тоже было, потому что я точно его не боялась - нарывалась крепко и уже не раз, хотел или мог бы – уже убил. Страшно

было напороться где-нибудь в доме на Адера Бигли, вот на него реакция была бы несравнимой, если морозит от одной только мысли... Но нужно найти воду и еду. Мои желания и потребности первостепенны, остальное подождет и страхи тоже. И это страхи Дженни, не мои - успокаивала я себя.

Коридор закончился спуском в пять ступеней, которые привели на кухню, судя по обстановке. Здесь было уютно, живописно и очень дорого, захоти я оборудовать свою в наше время так же. Одна медная посуда чего стоила. А большой стол из грубо обработанных, но почти до состояния шелка выскобленных на столешнице плах?!

А вот слой то ли соломы, то ли тростника с пола можно бы и убрать. Тем более, что и всякого мусора в нем достаточно, даже мелких костей. И запашок, похоже, шел оттуда же, хотя его почти полностью перебивал аромат трав, пучками развешенных на крюках, вбитых в потолочные балки. При взгляде на эти балки у меня глаза загорелись – натуральный дуб такими плахами?! Мореный или просто ужасно старый. С ума сойти! Ну и... все, кроме пола, на этой кухне моим понятиям о чистоте пусть и отдаленно, но соответствовало. Пока что в этом доме только она мне и нравилась.

Я бы легко справилась здесь – с уборкой, котлом и котелками, подставками и крюками, дровами и овощами в корзинах на каменном полу. Но нигде не наблюдалось главного – спичек. Кажется, в эти времена их заменяли кремь и кресало. Названия были на слуху, но дальше все глухо. Ми-

нимум нужна наглядная демонстрация, максимум упорный тренинг, чтобы получить хотя бы первичный навык по до-
быванию огня. А пока... выглянув в окно и не заметив там
никого живого, я успокоилась хотя бы на этот счет. Оглядев-
шись еще раз, достала из корзины и стала чистить морковь.
Прямо на пол, как тут было принято, похоже.

«Муж» не спешил... Задумавшись и подперев рукой с но-
жом щеку, я рассматривала очищенный корнеплод – смета-
ны бы сюда двадцатипроцентной. Витамин А образуется из
каротина только если употреблять его с жиросодержащим
продуктом. Но англичане и в наше время сметаны не произ-
водили, продуктом этим не пользовались...

Чувствовала я себя странно. Только что впервые наблю-
дала эротику онлайн и ведь не дернулось нигде ничего и да-
же не затеплилось... А они красиво смотрелись бы, будь это
стоп-кадр, просто картинка. А вот в динамике все выгляде-
ло как-то печально, без души или огонька, что ли? Может
потому и не торкнуло?

Такого вот механического исполнения у нас с мужем не
было никогда. Хотя случалось всяко – и смеялись... можно
сказать – ржали, и тогда дальше творилось какое-то безумие,
беспредел. И беззвучно было – в полной тишине, когда толь-
ко дыхание... и тогда крыло настолько чувственным пологом
– дышать тяжело, воздуха не хватало. А как-то я даже плака-
ла – когда мирились, а он виновато сцеловывал мои слезы со
щек. И даже нецензурщина случалась, когда не успевал вы-

скочить или резинка рвалась. У него вырывалось в сердцах, а я подтверждала, что да – полный и пушистый. Но подсмотри тогда кто за нами и увидел бы живых людей, которые что-то чувствуют... много и очень сильно чувствуют.

В принципе, в самом процессе не было ничего особенного - этим занимаются каждый день и даже час миллионы и миллионы людей на планете. Порочат или поэтизируют его при этом только наши эмоции и чувства. Здесь их не наблюдалось вообще...

- Миледи! – глухо раздалось вдалеке.

- Здесь! – тяжело вздохнув, отозвалась я. Буду по обстановке... иначе не получается.

Глава 10

- Оставьте нож, у вас есть мое обещание, - хрипел мужик, в один шаг преодолевая ступени.

Не было, получается, сотряса? А должен бы. А вот ладонь замотана, там могло и перелом мизинца, чего нехорошего... И поделом! Животное... выплюнула я про себя и на всякий случай ухватила за нож крепче.

Колготки он на себя натянул, пуфики тоже, а из остального была только жутко мятая рубашка без воротника, зато со сборчатыми рукавами да шутовские тапки с отворотами. Да-ты, когда придумали утюг-жаровню, я вспомнить не могла, как ни старалась. В виске кольнуло и заныло. Скривившись

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.